

Иоганнес Эммануил Филиппович (Emanuel Johannes), родился 10 мая 1915 г. в немецком селе Куккус, Новоузенского уезда, Самарской губернии, в семье столяра. Окончил 7-летнюю школу в Куккусе, медицинский рабфак в г. Бальцере, АССР Немцев Поволжья. С 1934 г. учился в Саратовском медицинском институте. В 1938 г. арестован, приговорен Особым совещанием по статье 58-10 (антисоветская или контрреволюционная пропаганда или агитация) Уголовного Кодекса РСФСР к 10 годам лишения свободы. Срок отбывал в Усольяге НКВД/МВД СССР (Молотовская/Пермская обл.). С 1948 г., после освобождения, заведовал сельскими медицинскими пунктами в Талды-Курганской обл., Казахской ССР. С 1987 г. на пенсии. С 1990 г. живет в Германии (Heidenheim an der Brenz).

Эммануил Иоганнес

Жизнь при тирании

Жизнь семьи поволжских немцев от революции до сталинской эры

Предисловие

Здесь, в этой рукописи, я бы хотел описать, прежде всего, свои воспоминания, прошлое и историю жизни моей семьи Иоганнес, до сих пор еще сохранившиеся в памяти.

Повод для этого сочинения появился у меня после того, как в 1985 г. в городе Майкопе умер в возрасте 79 лет мой старший брат Филипп.

Я часто беседовал со своим братом Филиппом и просил его, чтобы он составил краткое описание судьбы нашей семьи Иоганнес.

Однако он так и умер, не оставив описания истории нашей семьи, хотя обещал мне несколько раз подготовить такую рукопись.

Возвратившись с похорон своего брата, я подумал, что надо все-таки оставить сочинение о моей семье из 7 душ. В 1989 г. умер в возрасте 77 лет мой последний брат Яков. Теперь я являюсь единственным еще живущим членом нашей семьи Иоганнес.

Так я твердо решил подготовить краткое описание на память моим детям Нелли, Лилли, Эльзе и Виктору. Возможно, это будет интересно и для моих друзей, знакомых и родных.

Таким образом, я решился составить это краткое описание, хотя в своей жизни не имел к этому отношения и не являюсь ни писателем, ни поэтом или сочинителем.

Начато 10 мая 1989 г. (в мой день рождения).
Казахстан, Талды-Курганская область, село Елтай.

*Те, что не умеют вспоминать прошлое,
обречены на то, чтобы его повторить...*

Джордж Сантьяна

МОЙ ПУТЬ ПО ЭТОЙ ЖИЗНИ

Я уже нахожусь на 78-м году жизни, и телесные недуги, возникающие с возрастом, напоминают мне о том, что моя жизнь спешит к своему концу. Из этой жизни, от ощущений, основанных на личном сознании, согретых живым чувством моего «я» и движимых интенсивной волей к жизни, я должен буду перейти и перейду в неведомое бытие, которое уже не могу вместить со своей точки зрения в знакомые рамки личного человеческого бытия.

Согласно всему человеческому опыту, при этом переходе исчезает любая связь с земным бытием, прекращаются все отношения с земной жизнью и окончательно прерывается всякое общение с остающимися. Это уход без возврата, прощание навсегда.

Если, перед лицом таких обстоятельств, принять во внимание, что эта земная жизнь все же доставила мне на своем протяжении столько приятного и доброго, что она окружила меня большим числом существ, связанных со мной сердечными узами любви, доверия и уважения, то я ощущаю, как во мне растет страстное желание – не уйти из этого жизненного круга, не оставив воспоминаний, следа моего существования, памятного знака моим детям и родным.

Раз уж приходится прощаться, то пусть последний прощальный привет явится подтверждением любви, связывавшей нас здесь, а уходящий еще продолжит жить в сердцах остающихся!

Чтобы в конце в последний раз напомнить о себе моим дорогим близким и тем самым сохранить с ними духовную связь и после моего ухода из жизни, я решил оставить им краткий жизненный очерк обо мне, Эммануиле Иоганнесе.

Однако при этом я хочу представить не очерк, сложившийся из отдельных жизненных событий и явлений, а описание того, как и в каких условиях протекали моя жизнь и духовная борьба.

Тем самым они окажутся в состоянии сохранить в верной памяти именно ту сторону моего существа, которую и я воспринимаю как его определяющую часть, вопреки смерти и тлению.

*10.10.1990 г.
Елтай, Казахстан*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЕМЬИ ИОГАННЕС, ЖИВШЕЙ В СЕЛЕ КУККУС НА ВОЛГЕ

23 июня 1764 г. холостой молодой человек по имени Генрих Иоганнес вместе с еще 83 мужчинами и 84 женщинами эмигрировал из Германии в Россию. Они обосновались на левом берегу Волги, на так называемой Луговой стороне, и основали село Куккус. Первый сельский староста носил фамилию Куккус, так что и село было названо Куккус. В 1912 г. в Куккусе насчитывалось уже 3769 жителей.

Я смог это установить главным образом по письму моего дяди Иоганнеса, написанного им своей двоюродной сестре в Америку. Эта двоюродная сестра жила в Германии с 1926 г., и ее сын, Иоганнес Бузик, который еще жив, прислал мне это письмо, когда я еще проживал в Казахстане. Из этого письма я почерпнул почти всю историю нашей семьи Иоганнес.

Считается, что этот Генрих эмигрировал из Гессена, из села или города Аллендорф.

Прибыв на Волгу, *Генрих Иоганнес*, родившийся в 1740 г., женился на женщине по фамилии Баум и имел с ней сына *Конрада Иоганнеса*, который родился в 1773 г.

У этого Конрада был сын *Петер Иоганнес*, родившийся в 1819 г.

У этого Петера был опять же сын *Петер*, который родился уже в 1852 г. Тот Петер приходился мне дедом.

У моего деда и его жены было четверо сыновей: Петер, Иоганнес, Яков и мой отец *Филипп Иоганнес*, родившийся 15 января 1886 г.

Таким образом, семья Иоганнес жила в Куккусе, в нижней части села, на главной улице, так называемой Пасторатской. Эту улицу называли так, поскольку на ней находился пасторат, где проживал пастор.

Семья Иоганнес занималась сельским хозяйством. Мой отец был младшим из своих братьев. Когда отец был еще холостым парнем, мой дед отдал его столяру, чтобы он овладел столярным ремеслом. Свое обучение у столяра, носившего прозвище «*Maschinenkongrdchen*» («Машинный Конрадик»), он завершил через два года.

Дед умер в 1910 г. Мой отец тогда уже работал столяром самостоятельно. Еще когда мои отец и мать учились в одном классе начальной школы, они являлись очень хорошими товарищами; вероятно, они уже были и немного влюблены друг в друга.

Позже, в 1906 г., моя мать со своими родителями эмигрировала в Америку. Так мать была разлучена с моим отцом, однако они поддерживали постоянную переписку. Родители матери не были согласны с тем, чтобы мои мать и отец поженились. Через 2 года после эмиграции матери, т.е. в 1908 г., мой отец тоже эмигрировал в Америку, разыскал мою мать и женился на ней.

Зимой отец работал на мебельной фабрике, а летом они оба трудились на поле одного фермера, который возделывал сахарную свеклу.

13 октября 1909 г. родился мой старший брат Филипп. В 1911 г., 14 февраля, родился мой брат Теодор, а 17 декабря 1912 г. появился на свет мой брат Яков. Так они трудились до 1913 г. и скопили себе небольшой капитал. Моя мать часто получала письма из России, от своей сестры Екатерины Маргариты. Та вновь и вновь писала, чтобы они вернулись, т.к. она осталась в России одна. Так мои родители в 1913 г. поехали назад в Россию, опять в село Куккус.

Возвратившись из Америки, отец купил себе маленький глинобитный домик – на той же улице и той самой ее стороне, где стоял дом моего деда. Перед эмиграцией в Америку ему отмерили дворовое место напротив этого глинобитного домика. На этом месте мой отец уже выстроил амбар, хлев и летнюю кухню; он хотел построить здесь большой дом.

Здесь, в этой глинобитной избушке, 10 мая 1915 г. родился я. Мать часто рассказывала мне, что в день моего рождения был такой холод, снег, дождь и ветер, что в поле замерзли многие овцы, даже верблюды.

Мой младший брат Генрих родился 3 марта 1917 г. также в этом глинобитном домике.

Так нас стало 5 братьев без единой сестрички. Тут настала революция, когда к власти пришли коммунисты. Так пропали деньги, с трудом накопленные моими родителями в Америке. И теперь родителям пришлось опять начать с начала, они больше не могли построить собственный дом.

Мой отец привез себе из Америки все инструменты, необходимые для столярного дела.

Несколько воспоминаний из 1920 г., когда мне было 5 лет и я жил в этом глинобитном домике.

Моя мать часто рассказывала мне, как я однажды исчез со двора. Она искала своего Манельхен (так произносили мое имя Эммануил) на улице, в огороде, на заднем дворе. Когда мать вновь прошла по двору, она услышала мои крики и плач. Она быстро пошла в летнюю

кухню и обнаружила, что я залез в маленькую печку. Лаз туда был очень тесен, так что я не мог продвинуться ни вперед, ни назад. Мать с большим трудом вытащила меня. Тут подошли мои братья и соседские мальчишки. Я стоял, вымазав себе лицо слезами, золой и сажей. Я, в самом деле, походил не на европейца, а на африканца. Увидев меня, они принялись сильно потешаться и громко хохотать надо мной. Однако мне было не до смеха, а до слез. После того, как мать вновь привела меня в христианский вид, пришлось несколько пострадать и моей попке, по которой мать надавала мне ремнем. Этот ремень всегда был у матери под рукой.

Я еще очень хорошо помню печальную историю времен так называемой гражданской войны. Нашими соседями по огороду были Розентали, с этой семьей мы хорошо дружили. У них было 2 сына, и старший уже находился в призывном возрасте. Этого парня все разыскивали «красные» (коммунисты), чтобы он отправился с ними в армию и сражался с «белыми» (это были крестьяне, воевавшие против коммунистов). Этот парень прятался в поле у своего брата. Днем он находился в пшенице или ржи, а ночью спал на сеновале. Однажды брат позвал его к обеду. Когда они сидели за столом, перед дверью внезапно показался конник (коммунист), заглянувший внутрь. Увидев этого парня, он выстрелил в воздух, и тотчас появились еще двое вооруженных солдат. Тут младшему брату пришлось запрячь в телегу двух лошадей, а старшему было велено сесть на нее. Они поехали на север, к границе между землями сел Куккус и Шталь. Там этого парня стащили и расстреляли на глазах у брата. Затем варвары даже не позволили доставить труп домой. Лишь на следующий день близким было дано это разрешение. Можно себе представить, какая ярость скопилась в младшем брате, и какой траур охватил родителей и друзей.

Я еще помню, что мой отец сделал этому парню хороший гроб. Через 2 дня безвинного юношу похоронили. На траурную процессию собрались все жители села. Плач родителей и друзей был слышен и на нашей улице. Здесь можно было бы многое рассказать о том, как коммунисты захватили власть – с помощью убийств, кровопролития, подлости, лжи и т.д. и т.п. Между коммунистами (красными) и их противниками, которых называли «белыми», возникла страшная ненависть.

Тут я хотел бы рассказать еще одну историю. Нашими соседями были двое мужчин по фамилии Мазер. Старший Мазер (мы звали его дядюшкой Яковом) всегда приходил к нам и рассказывал нам, мальчишкам, разные сказки. Его младший брат был одним из так называемых белых, он со своей женой все время находился в поле. Они доставляли коммунистам, красным, очень много неприятностей, и, схватив красного, безо всякого пристреливали его. Красные питали к этому Мазеру невероятную ярость, но не могли поймать его. Однажды красные вновь прибыли в наше село из соседнего села Шталь. Услышав, что здесь, рядом с нами живет Мазер, они вытащили старшего брата Якова, который ни в чем не был виноват, привязали его к задней части телеги и проволокли через все село вниз, в большой ров. Бедный безвинный человек был уже полумертв, но они всадили ему в голову еще пару пуль. Он еще не был мертв, когда они зарыли его в песок. Через длительное время его разрешили похоронить на горе, т.к. внизу, по рву, весной протекала талая вода.

Белые тоже не шутили с коммунистами. Однажды они схватили трех коммунистов в нашем селе Куккус. Так они раздели троих мужчин догола и погнали к притоку Волги, мы называли его Текучая вода. Дело было зимой, река замерзла. Трех мужчин заставили прорубить себе дыры сквозь лед, и туда засунули троих, пока они не захлебнулись. Потом они вытащили тела, разрубили на куски и разбросали по льду. Когда затем пришли красные, они собрали отрубленные куски и захоронили их рядом с церковью. На их могиле они соорудили деревянную надстройку, на которой сверху могли стоять несколько человек. Когда наступал праздник – например, 7 ноября или 1 мая, – школьников заставляли

приходить туда, где выстраивалась коммунистическая верхушка и держала перед нами речь. Гражданская война продолжалась несколько лет, пока коммунисты не захватили власть себе.

В нашем селе жили только крестьяне, у нас не было ни рабочего класса, ни коммунистов. К нам присылали из городов рабочих, которые занимали все официальные посты – например, в сельсовете, среди почтовых чиновников и другие должности, как в политотделе.

Ситуация в селах все более ухудшалась, так что в 1919-20 гг. многие немцы эмигрировали из Поволжья в США. В это время выехали в Америку и двое братьев моего отца с детьми и матерью. Это были мои дяди Иоганнес и Петер, их дети и моя бабушка.

Через две недели решил эмигрировать в Америку и мой отец с женой и нами, пятью мальчиками. Я еще помню кое-что о том, как мои родители собирались в путь в Америку. Моя мать, например, спрятала золото и серебряные монеты в тесто и испекла пирог, чтобы у нас на границе не отняли последнюю пару рублей. Так мои родители продали дом, двор и мебель – все за бесценок – или раздарили. С небольшим багажом мы поехали в Саратов, откуда должны были двинуться дальше по железной дороге. Два моих дяди, прибывшие в Саратов раньше, уже подготовили свои бумаги для отъезда.

Тут внезапно поступило распоряжение начальства: никому больше не разрешать выезжать. Однако все еще организовывались группы, которых отправляли по железной дороге. В той группе, где находились два моих дяди, смертельно заболел отец семейства, попавший в больницу. Вместо этого больного человека с его семьей мои дяди хотели внести в список для посадки в вагоны, отправлявшиеся назавтра, нашу семью. Тут старшая сестра моей матери Екатерина Маргарита, бывшая замужем за Александром Шенгелем, который умер в 1926 г. от рака желудка, начала плакать и говорить: «Теперь ты тоже уедешь, и я останусь здесь в России одна». Так мои родители решили поехать назад в Куккус. Когда мы вернулись в Куккус, родители с нами, пятью мальчиками, оказались на улице.

Наконец, знакомый мужчина, также живший на нашей улице (кажется, его фамилия была Баум), сдал нам комнату на первое время. Позже мы переехали в хибару, принадлежавшую мяснику Ольбергу (Fleischohlberg). Зимой 1921/22 гг. мы провели в этой хибаре. 1921/22 гг. был голодным годом. В этот год много людей на Волге умерло с голоду. Многие переселились из Поволжья на Украину, Кавказ, причем очень многие – в город Баку. Вдобавок ко всей этой нужде и голоду на Волге почти все заболели малярией – эту болезнь называли перемежающейся или болотной лихорадкой. Я сам тоже страдал от этой болезни всю зиму. Болел тяжело, так что к весне больше не мог сам выходить во двор. Родители выносили меня на руках и сажали на пень под весеннее солнце, чтобы подышать свежим воздухом.

Наше счастье, что мои родители поддерживали связь с родителями моей матери, Райфшнайдерами, жившими в Америке. Мы получили из Америки очень много посылок с продуктами и одеждой. Сегодня я еще могу хорошо представить себе сгущенное молоко и большие жестяные банки с топленным свиным салом, даже муку и разные другие продукты. Германия и другие государства также очень много помогали страдающим, голодающим людям на Волге. Была создана международная организация, так называемая АРА, распределявшая продукты, которые поступали из-за рубежа. Мой отец тоже был членом этой организации.

Братья отца передали дом моего деда своему соседу. Тут мой отец попросил этого соседа Иоганнеса Энгельмана (прозвище «поющий Ханнес» – Sdngerhannes), чтобы он вернул нам этот дом, но тот сказал: «Это мое». Так моему отцу пришлось возвращать себе отцовский дом через нарсуд. Этот дом был построен из дерева в том же году, что и церковь в Куккусе. Когда церковь была построена, остатки леса продали с аукциона, а мой дед купил эту древесину и построил дом. В каком году была построена церковь, я до сих пор еще узнать не

смог.

В этом доме жила наша семья, пока не разбросали нас, братьев, и не погиб наш отец. Лишь наша дорогая мать была одна депортирована из этого дома в Сибирь в 1941 г. Эта участь моей матери постигла в 1941 г. все немецкое население на Волге.

Пока мы жили там, подросли все 5 братьев, и у моих старших братьев уже осталась позади школа-семилетка. Отец купил 2 лошади, сельскохозяйственные орудия, и мои братья Филипп и Теодор начали работать на земле. Мой отец занимался столярным делом и находился в поле лишь весной при посеве и осенью при уборке. Остальное время мои братья трудились в поле самостоятельно. Мой брат Яков не участвовал в работе на земле, он должен был стать ученым человеком, т.е. продолжать учебу. Так наша семья проработала до 1929 г.

В 1924 г. мой отец был в первый раз арестован и посажен под арест в селе Зельман – ни за что, ни про что. Однако через 2 или 3 месяца его освободили. Пока он находился в заключении, коммунисты утащили всю нашу красивую мебель и даже столярные инструменты отца. Когда он освободился, «гуманные коммунисты» вернули некоторые вещи. В 1926 г. моего отца арестовали во второй раз: его мучили и пытали, но не смогли навесить ему вину и через 6 месяцев вновь выпустили из заключения. После этого нам, а также моему отцу стало совершенно ясно, что он находится у коммунистов в черном списке. Позже сотрудники тайной полиции всегда следили за каждым шагом отца, шпионили за ним и докладывали обо всех его делах так называемому ГПУ (тайная полиция). В 1926 г. мой брат Яков закончил семилетку, поехал в город Маркштадт и поступил в педагогический техникум.

В 1929 г. мой отец вычитал из печати, что в Немецкой республике на Волге намечены коллективизация крестьянства и ликвидация кулачества (богатых крестьян) как класса.

Мои братья хотели иметь все больше лошадей, больше земли, более красивые повозки и т.д. и т.п. Отец сказал, что наше хозяйство нужно держать совсем маленьким, чтобы нас не отнесли к кулакам и не ликвидировали как класс. В то время у нас было уже 8 лошадей, 6 коров, 20 овец и другой мелкий скот. Мой отец резко уменьшил хозяйство, и пока действительно произошла полная коллективизация, у нас остались только 2 лошади, 2 коровы и несколько овец. Так нас определили в средние крестьяне, и мы не считались кулаками. Бедняки, не имевшие хозяйства, вступили в колхоз без возражения. Однако зажиточные и богатые крестьяне оказали сопротивление и не вступили в колхоз. Тогда коммунисты стали все больше и больше облагать налогами всех тех, кто не вступил в колхоз добровольно, чтобы заставить их сделать это. Затем некоторых богатых крестьян выгнали из их домов, экспроприировав у них скот и сельскохозяйственные орудия.

Здесь в это время изгнали из своего дома и сестру моей матери Екатерину Маргариту, вдову с 6 детьми, экспроприировав ее имущество. Так эта семья пришла к нам, и мы предоставили в их распоряжение комнату. Раньше в этой комнате в течение года жили двоюродный брат моего отца Александр Андреевич Бузик, его жена Розалия и сын Евгений, которых тоже выгнали из их дома. Эту семью затем выслали в Караганду. Моя мать позже рассказывала мне, что там Розалию нашли мертвой на болоте; говорили, что это было самоубийство. Двоюродного брата Александра Андреевича, Александра Ивановича Бузика, выслали из Саратова в Томск. Мой брат Филипп долгое время переписывался с этим Бузиком, который был инженером и имел отношение к технике. Город Томск, кажется, стал его последним адресом.

Теперь я хотел бы присовокупить сюда судьбу моей тети Екатерины Маргариты Шенгель и ее семьи. Когда большинство крестьян уже согнали в колхоз, а кулаков изгнали из их домов и не приняли в колхоз, то был поставлен вопрос о высылке кулаков на Север. Большевики ведь всегда работали планомерно. Из каждого села надлежало выслать несколько семей. Такие мероприятия всегда готовились по ночам. Теперь эти 3 семьи нужно

было поймать и отправить на вокзал в Энгельс. Когда пришли к этим семьям, там не оказалось несемейных молодых людей – у них ведь были свои возлюбленные юноши и девушки, и молодежь не хотела расставаться с возлюбленными. На улице скопилось много людей, которые хотели попрощаться со своими родными.

У нас в селе был так называемый политработник Форрат, не являвшийся жителем Куккуса. Он был, как у нас называли таких, «пришлым» из соседнего села. Этот политработник увидел, что ничего не может сделать, а потому позвонил в Энгельс и доложил правительству, что не в состоянии выполнить данного ему поручения, т.к. кулаки оказывают сопротивление. Он преподнес ситуацию хуже, чем она была в действительности, и сказал, что происходит восстание и что на улицах льется кровь. В эту ночь посадили в тюрьму нескольких юношей и девушек. Среди них оказалась и моя двоюродная сестра Амалия Шенгель. На следующий день мой отец пошел к милиционерам, с которыми был хорошо знаком, попросив отпустить Амалию, и они ее выпустили. Наутро я уложил мои тетради и книги в рюкзак, закинул его на спину и вышел на улицу, чтобы пойти в школу. Я ушел недалеко от нашего дома. Как дикий подскакал конник, взмахнул своим кнутом и закричал:

– Быстро назад с улицы, не то вмажу тебе по черепу, чтобы ты знал, где твой дом!

Я, заплакав, пошел домой и спросил свою мать:

– Что это за дикие люди на улице?

Мать успокоила меня и сказала:

– Сегодня никому нельзя выходить на улицу.

Тогда мы с соседским мальчиком залезли на крышу сарая и стали смотреть на гору за селом (мы называли ее не «гора», а «Buckel», т.е. «горб»), где все кишело солдатами, особенно в направлении соседского села Шталь. Они маршировали туда-сюда. Теперь нам стало ясно, что происходит.

До следующего вечера большевики погрузили на сани и отправили на вокзал в Энгельс не 3, а 30 семей вместе с детьми, дедушками, бабушками и небольшим багажом. Позже мы получали письма от этой семьи Шенгель из Котласа (Коми АССР). В Куккусе было очень мало бедных семей, почти все крестьяне были богатыми. Коммунисты всегда говорили, что Куккус – это кулацкое гнездо, которое надо полностью уничтожить.

СУДЬБА НАШЕЙ СЕМЬИ

Мой отец передал колхозу весь наш скот и сельскохозяйственные орудия. Затем он сказал нам:

– Вам не надо работать в колхозе, вы должны учиться дальше.

Мой брат Филипп поступил в педагогический техникум в городе Марксштадте. Теодор одну зиму кормил лошадей, которых колхоз разместил в нашей большой конюшне. Корма были настолько плохие, и их было так мало, что бедные лошади исхудали, так что мне с моим братом по утрам приходилось поднимать их на ноги. Следующей осенью Теодор также поступил учиться – в так называемый кооперативный техникум в Энгельсе, где брату очень помог знакомый учитель Андреас Вегеле, работавший в то время на руководящей должности в Наркомпросе.

Все мои братья окончили так называемую среднюю школу. Яков несколько лет работал учителем – сначала в одном из сел Немреспублики, затем год на Кавказе. Филипп также проработал несколько лет сельским учителем. Затем Яков поступил в сельскохозяйственный институт в Энгельсе, который он и закончил. Теодор окончил кооперативный техникум и работал экономистом в поселке Палласовка, а позже в селе Куккус.

В 1930 г. я закончил школу-семилетку и работал счетоводом в колхозе. Я еще хорошо помню, как однажды весной, как раз на Пасху, ко мне пришли партийный секретарь и заведующий полеводством. Я должен был начать работать счетоводом в первой бригаде, у бригадира Герцога. Моя мать приготовила мне крашенных яиц, сладкий пирог с крошками и другие печеные изделия, а отец затем сказал:

– Иди и работай, но недолго, ты должен учиться дальше.

Так я проработал счетоводом 2 года. Под осень, в августе 1932 г., рассчитался и отправился домой, где мои братья и отец поговорили со мной и привели меня к убеждению, что я должен учиться дальше.

Я упаковал свои бумаги и с еще одним парнем из нашего села пошел пешком в Варенбург, где был сельскохозяйственный техникум. Сдал свои бумаги директору и был приглашен начать 1 сентября первый курс в этом техникуме. Вернувшись домой, я прочел в газете «Нахрихтен» объявление, что выпускников семилетних школ приглашают в город Бальцер, на такой медицинский рабфак, где нужно было учиться 2 года. Когда я еще был в семилетке, нас спросили, какой профессии хотел бы обучиться каждый. Тогда я и еще один ученик, Фридрих Шлейхер, сказали, что мы хотим стать медиками. У меня уже тогда, после прочтения книги о лечении силами природы, было желание учиться медицине. Так я не спал две ночи и все думал: что же мне делать? Ведь бумаги были в Варенбурге.

Короче говоря, я решился, опять пошел пешком в Варенбург, малость соврал директору и сказал, что мои родители переезжают в Энгельс, и я хотел бы учиться там. Тогда он вернул мне мои бумаги. Так я и еще один учащийся, Вильгельм Мегель из соседнего села Шгаль, взяли свои бумаги и пошли в Бальцер. В то время мало кто из родителей отпускал своих детей учиться. Говорили, что те, кто продолжает учебу, сплошь становятся коммунистами. В Бальцере мы разыскали рабфак и отдали наши бумаги директору Отту. Он просмотрел бумаги, оглядел нас с головы до ног и сказал:

– 1 сентября можете приезжать. Вас примут на первый курс.

Это и был весь вступительный экзамен...

МОЯ УЧЕБА НА МЕДИЦИНСКОМ РАБФАКЕ В ГОРОДЕ БАЛЬЦЕРЕ с 1 сентября 1932 г. до 20 июня 1934 г.

Первого сентября 1932 г. из разных сел собрались молодые девушки и юноши, все они имели за плечами школу-семилетку. Нас было 24 студента. Меня и еще четырех парней директор отделил и разместил нас в двухэтажном домишке рядом с горисполкомом. Это были парни из различных сел Немецкой республики на Волге – М. Гоппе, Мельберг, В. Мегель, Антон Луя.

Тут на Волге опять наступил голодный год, в особенности зимой 1932/33 гг. Мы получали хлеб строго по так называемым хлебным карточкам – кажется, по 500 граммов в день, и водянистый суп, из которого изредка можно было выловить картошинку. Комната, где нас разместили, не отапливалась – не было дров. Осенью, пока на улице стояло тепло, было еще ничего. Но поздней осенью становилось все холоднее. Мы начали снабжать себя дровами для топки, которые собирали на улице. Воровали изгороди, штaketник, доски и все, что могло гореть, чтобы немного согреть нашу комнату. Затем мы стали сжигать все деревянное, что было в комнате, т.е. мебель: стулья, скамейки, шкафы, столы, даже доски, лежавшие под матрацами на кроватях.

Директор был у нас редким гостем. Однажды он зашел к нам в комнату, огляделся и, не увидев мебели, спросил:

– Куда подевалась мебель?

Мы все промолчали. Тогда, на следующий день, он разместил нас на частных квартирах у разных жильцов. Меня поместили у одной семьи в маленькой комнатке, где я выдержал до марта.

Мы с моим товарищем из соседнего села В. Мегелем каждую субботу отправлялись пешком из Бальцера: я – в Куккус, Мегель – в Шталь, чтобы запастись продуктами на неделю. У многих студентов, которых не поддерживали продуктами из дома, уже в марте от голода опухли ноги.

В конце марта, когда медленно стаял лед, настало время вскрытия Волги, покрытой зимой ледяным панцирем, по которому мы прогуливались на другой берег. Мы с товарищем опасались, что больше не сможем попасть домой, т.к. во время ледохода Волгу пересечь нельзя. Тут мы договорились бросить рабфак и уйти по домам. Так мы тайком скрылись. Дома с продуктами было тоже не особенно хорошо, но у нашей семьи все же имелось столько запасов, чтобы нам не пришлось голодать.

Второй год учебы в Бальцере

Когда подошла осень, мои братья и все остальные студенты стали готовиться к возвращению в свои учебные заведения, чтобы 1 сентября приступить к учебе. Тут мы с моим товарищем спросили себя: что делать нам? Ведь наши бумаги остались в Бальцере. Тогда мы решили забрать свои бумаги из Бальцера. Мы думали, что, получив бумаги назад, сможем поступить в другое учебное заведение. Так мы отправились в Бальцер, пошли в канцелярию и предстали там совсем убитые, как дезертиры, перед директором. Он спросил нас, чего мы хотим. Мы сказали:

– Хотим наши бумаги.

– Я понимаю вас, почему вы сбежали. Бумаги вы не получите, а 1 сентября придете к нам и будете продолжать учебу на втором курсе.

Когда осенью мы снова все вернулись, руководство медицинского рабфака разместило нас по частным квартирам. Так мы, 5 парней, вновь оказались в одной комнате. С условиями жизни, жильем и продуктами стало немного лучше, чем в прошлом году.

Хлеб мы получали все еще строго по хлебным карточкам. Чтобы несколько улучшить наше положение, мы – я, Гоппе, Вуккерт и другие парни под руководством Антона Луя – организовали струнный оркестр и по вечерам играли несколько часов в маленьком ресторане в награду за хороший ужин. Тут мне вспоминается один эпизод. Упомянутый М. Гоппе был странный парень, он играл на бас-скрипке и повредил себе большой палец правой руки, слишком резко ударяя по струнам.

Девушки из медицинского техникума пригласили нас на праздник, чтобы мы у них немного помузицировали. Так мы играли весь вечер до ночи, а затем опять получили в вознаграждение хорошее картофельное пюре, к которому, кажется, добавили даже немного масла. Когда все, т.е. музыканты, наелись досыта, и еще кое-что осталось, мы встали и хотели уйти, но Гоппе сказал:

– Нет, этот остаток картошки я не оставлю.

Он нашел большой кусок бумаги (кажется, это была стенгазета), упаковал в него картофельное пюре и пошел с нами домой. По дороге мы поддразнивали его и смеялись. А он сказал:

– Смейтесь-смейтесь, завтра я буду есть на завтрак картофельное пюре, а вы – наблюдать за мной голодными глазами.

На следующее утро он подогрел картофельное пюре и хорошо наелся, а мы все стояли вокруг и смотрели на него. Он улыбнулся:

– Что-то вы совсем не смеетесь. Вчера смеялись вы, а сегодня смеюсь я, и к тому же с

полным животом!

Здесь я хотел бы еще упомянуть моего дорогого незабвенного товарища Теодора Вуккерта, жителя Бальцера. Это был очень способный веселый парень. Мы были очень хорошими друзьями в Бальцере, а также в Саратове, пока 28 мая 1938 г. меня не посадили. Такова человеческая судьба: этот парень окончил институт, я на 10 лет попал на Урал. Однако, когда в 1939 г. началась война с финнами, он погиб, а я еще жив – 54 года спустя.

Можно себе представить, какое мы получили образование в тех условиях, в которых учились. Здесь мне хотелось бы еще выразить благодарность моим хорошим учителям – Дизендорфу и строгому высокому мужчине по фамилии Герд. Они, вероятно, уже умерли.

Вот вкратце все, что я еще знаю и что отложилось в моих старческих мозгах об учебе в городе Бальцере. Период моей учебы был очень тяжелым временем. Однако я, невзирая на все трудности, перенес эти 2 года и был переведен на 1 курс медицинского института в Саратове.

ГОДЫ УЧЕБЫ НА НЕМЕЦКОМ ОТДЕЛЕНИИ САРАТОВСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА с 1 сентября 1934 г. до 28 мая 1938 г.

1 сентября 1934 г. все мы, выпускники медицинского рабфака, собрались вместе, составив одну студенческую группу. В еще одной группе были другие студенты из Немреспублики на Волге. В этих двух группах нас было 45 студентов-первокурсников. Мы с моим добрым товарищем Теодором Вуккертом ходили вокруг и осматривали снаружи красивое здание, построенное в 1909 г. немцем, главным архитектором по фамилии Мюфке. Все стройматериалы для этого здания были завезены из-за границы.

Первым директором института был наш профессор Вормс, тоже немец. Он уже находился на пенсии и только у нас еще преподавал органическую химию. Насколько я слышал, он умер в 1941 г. в Саратове. Осмотрев здание снаружи, мы сели на скамейку перед 4-м корпусом, у его правого крыла. Тут к нам подошел мой бывший учитель по семилетней школе Петр Беккер.

– Что вы здесь ищете? – спросил он.

– Мы хотим поступить в здешний медицинский институт.

– Я учусь на химическом факультете университета, – он глубоко вздохнул. – Парни, парни, сможете ли вы учиться тут?

– Почему же нет? – спросили мы.

– Сходите-ка в подвал под правым крылом и взгляните, что там творится.

Мы спустились в подвал, и нам уже издали ударил навстречу такой резкий запах формалина и трупов, что мы попятнулись. Затем мы постучали в дверь. Изнутри было слышно, что там кто-то рубит и орудует, как на бойне. Тут мы открыли дверь, и перед нами оказался небритый бородатый мужчина. На нем были резиновые сапоги и резиновый фартук, в руке он держал окровавленный нож. Он спросил нас:

– Чего вам угодно?

Мы посмотрели друг на друга и не сказали ни слова. Мы отошли назад, поближе к входной двери, у которой вдоль стен стояли большие чаны, а в них, в растворе формалина были тщательно уложены различные человеческие органы – руки, ноги, головы, некоторые кишки и т.д. Тут мы все же собрались с духом и спросили несимпатичного человека:

– Почему Вы так тщательно разделяете трупы?

– Это будут препараты для студентов при изучении человеческого тела, – объяснил нам мужчина.

С этим мы вышли из этого морга. Мы ощущали очень неприятный, отталкивающий, отвратительный запах еще во дворе. И тут мы спросили друг друга: удастся ли нам выдержать здесь учебу или нет? Но раз уж мы пришли сюда изучать медицину, то решили, что должны участвовать и во всем этом.

Группа первокурсников немецкого отделения, к которой принадлежали я и другие выпускники медицинского рабфака, была подготовлена очень слабо, мы почти не знали русского языка. Теперь мы должны были изучать здесь русский, немецкий и латинский языки. Затем нам предстояло изучить, например, все отрасли химии – неорганическую, органическую, коллоидную, физическую, биологическую, качественный и количественный анализ. На первом курсе мы изучали нормальную анатомию и должны были при этом препарировать и исследовать препараты из этого морга. Здесь многие из наших студентов потеряли аппетит не только к еде, но и к дальнейшему обучению в этом институте.

Большинство студентов перешло в другие вузы. Так из двух наших групп образовали одну. Как нам ни было тяжело, но мы с моим другом Т. Вуккертом все же выдержали и одолели первый курс. На втором курсе учеба шла уже получше. В этот год отменили хлебные карточки, теперь можно было покупать столько хлеба, сколько хотелось.

Когда я еще учился в семилетней школе, мы с моим братом Генрихом сидели во 2-м классе за одной партой. Он был очень способным парнем. Но насколько он был одарен, настолько же и каверзен. Пока он учился в семилетке, его трижды исключали, и мой отец через хорошо знакомых учителей вновь и вновь возвращал его в школу. В 1935 г. он тоже поступил на 1-й курс того медицинского рабфака в Бальцере, где учился я.

В 1935 г., когда я учился на 2-м курсе, ко мне в студенческое общежитие пришел Виктор, сын профессора Александра Ивановича Бузика, попросивший меня пойти к ним. Здесь я должен еще добавить, что Эмилия, жена профессора, была двоюродной сестрой моего отца. Когда я пришел на квартиру к этому профессору, там находились мой отец и мать. Я очень испугался и спросил, что случилось, почему они так неожиданно приехали в Саратов. Тут отец сообщил мне, что они покинули дом и двор и бежали. Почему? – спросил я. Тогда мой отец сказал:

– Один мужчина, которого я хорошо знаю, доверил мне по секрету, что я нахожусь в списке тех, кого в ближайшее время должны посадить в тюрьму, где уже исчезли некоторые люди из нашего села. Этот человек из тайной полиции, ГПУ, сказал, что я по возможности должен скрыться, иначе мне будет плохо.

– И куда вы хотите направиться дальше? – спросил я отца.

– В Баланду.

Это было небольшое село за Саратовом, на Нагорной стороне Волги. В этом селе находился товарищ моего отца Грасмик (наш бывший шмельмейстер).

Учиться в вузе было нам, парням из поволжских немцев, очень трудно: лекции нам читались по-немецки, а учебники были написаны на русском языке. Мы очень старались записать все, что говорили нам профессора, т.к. не могли воспользоваться русской литературой. Я прилагал большие усилия, чтобы учиться не хуже всех остальных, но мои нервы были очень сильно напряжены. Теперь к этому добавился еще и побег родителей, что *отразилось на мне очень отрицательно*. Позже мои родители переехали из Баланды в Энгельс и купили себе маленький домик по улице Одинокой. Мой отец стал пытаться устроиться столяром в районной больнице.

В конце марта я, как обычно, приехал на выходной в Энгельс к своим родителям. Когда я вошел в комнату, моя мать встретила меня слезами и рыданием. Она сказала мне, что арестован мой младший брат Генрих. Я, как мог, успокоил мать, на следующий день опять поехал в Саратов и продолжил учебу. Однако этот арест брата стал *еще одним бременем* для моих уже перенапряженных нервов. Мать рассказала мне, что когда брата доставляли из

Бальцера в Энгельсскую тюрьму, брату с милиционером довелось проходить мимо дома моего отца. Здесь мой брат попросил зайти туда вместе на пару минут, чтобы сообщить родителям, что его посадят в тюрьму здесь в Энгельсе. Они вышли, немного поели, мать дала ему с собой белье и кое-какие продукты, и они быстро исчезли.

Через два дня мою мать вызвали в управление милиции. Мать была очень напугана и опасалась, что ее теперь тоже посадят. Когда она пришла в кабинет начальника управления милиции, ее стали вполне вежливо расспрашивать:

– Сможете ли Вы показать нам милиционера, который сопровождал Вашего сына сюда к нам из Бальцера и вместе с Вашим сыном был у Вас дома?

Моя мать сказала:

– Думаю, что да.

Тогда они посадили мою мать к окну, прогнали мимо всех милиционеров и заставили их смотреть вверх, на окно, у которого сидела мать. Когда все прошли, начальник управления милиции спросил мою мать, был ли там этот человек или нет. Она не смогла опознать среди них того человека.

Что мне хотелось бы сказать здесь по поводу этого инцидента? Так уже в то время ощущалась деятельность тайной полиции, где было множество так называемых шпииков, доносчиков, сообщавших ей обо всем.

Я продолжал учиться в Саратове. Мой брат Филипп учился в пединституте в городе Энгельсе. Он был женат на сестре жены Августа Вейганда. Филипп жил у этого Вейганда. Мои родители и Филипп очень опасались, что моему младшему брату не разрешат свидания в тюрьме. В начале 1937 г. уже шли массовые аресты по всей Немреспублике. Однажды я решился пойти в тюрьму с бельем и продуктами, и мне стоило больших усилий и времени получить 10-минутное свидание.

Теперь наступил ужасный 1937-й год. В этот год ни за что, ни про что арестовали, депортировали и расстреляли тысячи и тысячи безвинных людей. Сначала посадили немецких мужчин, находившихся во время Первой мировой войны в германском плену, их обвинили по статье 58-6. Это значит, что их всех объявили шпионами. Из этих людей не вышел на свободу ни один.

Я прилежно готовился и на отлично сдал экзамены за 3-й курс один за другим. Говорили, что тот, кто проучился 3 курса, уже врач. Мы ходили на лекции по 4-му курсу, но у всех еще имелись несданные экзамены за 3-й курс.

У нас был очень знаменитый профессор – Моногенов, он написал много научных работ по патологической анатомии. Этого профессора тоже объявили шпионом, т.к. он несколько раз побывал в Германии для повышения квалификации. У нас было два врача, политических эмигранта, вынужденных бежать из Германии. Эдит Ауэрбах с мужем (они были евреями) преследовались Гитлером, а здесь были посажены Сталиным как шпионы. В ветеринарном институте уже были арестованы почти все профессора и доценты. У нас, на немецком отделении, первым стал Рейнгольд Рейс. Затем стали сажать и на русском отделении. Я все думал: наверно, скоро очередь дойдет и до меня. А весной студентам старших курсов уже приходилось читать лекции у других студентов.

В начале ноября мой отец однажды приехал ко мне в Саратов из Энгельса и сказал:

– Пойдем, сходим в магазины и купим все, что тебе нужно будет на зиму.

Видимо, у него было чувство, что он уже недолго останется на свободе. Так мы прошли по магазинам и купили различные зимние вещи. Моего дорогого отца я больше не видел и ничего не слышал о нем. Моя мать рассказывала мне несколько раз, что он говорил ей, чтобы она держала наготове все необходимое на случай, если его придут арестовывать. В конце ноября 1937 г. я приехал в Энгельс, чтобы, как всегда субботам, навестить своих родителей. Когда я зашел в сени нашего дома, моя мать уже вышла ко мне навстречу, упала

мне на грудь, заплакала навзрыд и сказала, что нашего отца арестовали 20 ноября на работе среди бела дня. Мы посидели вместе, оба плакали и не могли от печали вымолвить ни слова.

Немного успокоив свою мать, я с тяжелым сердцем вернулся в Саратов. Это было для меня уже *третье психическое потрясение*. Через неделю, полный нетерпения, я опять поехал в Энгельс к своей матери. Я спросил ее:

– Давно ли не было здесь у вас Филиппа?

– Его не было уже несколько дней.

Тогда я быстро пошел к Вейгандам, где он жил. Там его жена тоже встретила меня слезами и рыданиями. Она обняла меня, вся дрожа от печали. Хотя она ничего не говорила, я уже знал, что произошло. Затем она сказала мне, что пару дней назад Филиппа арестовали и посадили в тюрьму. Это было для меня *четвертое психическое потрясение*. Я успокоил свою невестку и пошел назад к матери. Когда я сказал ей, что Филипп тоже арестован, моя мать опять начала плакать. Я вновь немного успокоил ее и с тяжестью на сердце возвратился в Саратов. Через пару дней я снова поехал в Энгельс к моей покинутой матери. Я сказал:

– Оставь дом и все остальное и поезжай в Куккус, в наш отцовский дом.

Мать так и сделала, поехала домой и обосновалась в большой комнате – в маленькой размещались постояльцы.

Я продолжал учебу, но не мог толком сосредоточиться, и моя бессонница, вообще мое душевное состояние давали знать о себе все сильнее. Часто по ночам, когда я не мог спать, перед моими глазами представляли отец и братья, которых мучили, пытали, унижали и истязали варвары. В это время мой брат Теодор перевелся из Палласовки, где он работал экономистом в райпотребсоюзе, в Куккус.

Через продолжительное время я попал в Энгельс, где хотел узнать, как обстоят дела в Куккусе с арестами невинных людей. Мне никто не смог ничего сказать. Тогда в холодный зимний день, в субботу, я отправился в Энгельс и поехал оттуда вместе с шофером, который должен был доставить в Куккус различные грузы от Немволгсоюза. Мы выехали под вечер, мне пришлось улечься в кузове в багаж, чтобы не замерзнуть. Прибыли в Куккус поздним вечером, уже было темно. Водитель остановился у столовой, посмотрел наверх и спросил меня, не замерз ли я там. Я сполз вниз, рассчитался с шофером, поднял воротник своего пальто и пошел по улице к моему отцовскому дому. Я не хотел, чтобы меня кто-нибудь видел, т.к. боялся, что меня тоже могут арестовать. Войдя через калитку, вспомнил свои детские и юношеские годы, когда проходил там тысячи раз.

Я подошел к окну, чтобы сначала посмотреть, одна ли дома моя мать, – в селе никто не должен был узнать о моем приезде. Ведь люди боялись собственной тени. Заглянув в окно, я увидел мать, сидящую на табуретке перед круглой маленькой печкой (чугункой). Дверца этой печки была приоткрыта, и свет от огня отражался на ее лице. Я знал, что в маленькой комнате живут постояльцы. Потому я очень осторожно подошел к двери дома, по старой привычке открыл задвижку и вошел.

Моя мать очень испугалась, когда я, не постучавшись, вошел в комнату. Тут она опять начала плакать. Я уже выплакался перед тем, как зайти в комнату, у окна. Затем моя мать сообщила мне, что Теодора с еще несколькими мужчинами из Куккуса арестовали и перевели в Энгельсскую тюрьму. Это был для меня *пятый психический удар*. Тогда я спросил, где Яков. Он работал в то время учителем в одном из соседних с Куккусом сел (Лаубе, Динкеле или Штраубе). Она сказала мне, что он приходит очень редко и женат на русской. Так я провел два дня у своей покинутой матери, заготовил ей на зиму немало дров и сделал из фанеры с десятков посылочных ящичков. Она ведь хотела, когда получит известие о том, где они находятся в лагерях, отправлять им посылки с продуктами.

Затем я вернулся в Саратов и через неделю вновь поехал в Энгельс, к Розе, оставшейся жене Филиппа. Я спросил, слышала ли она что-нибудь о наших заключенных. Она сказала:

– Здесь некоторые запрашивали о своих заключенных, куда их девали, но не получили ответа о том, где они находятся.

Я накупил продуктов, белья, различных вещей и где-то в 10 часов утра подошел к тюрьме. Я пошел к главному входу, но меня с еще несколькими мужчинами и женщинами отогнали, как собак. Так мы стояли и видели, как через главный вход выгоняли примерно по 40 заключенных и вели за тюрьму, к железнодорожной линии, где уже стояли и грузились вагоны для перевозки скота. Затем нас отогнали от главных ворот к боковой двери, где нас собралось 250-300 человек. У всех людей были сумки с разными вещами и продуктами для передачи своим родным. Было очень, очень холодно, у боковой стороны тюрьмы лежало до 80 сантиметров снега, и люди стояли в холоде и снегу с утра до 4 часов пополудни. Наконец, дверь открылась, вышел начальник тюрьмы и закричал:

– Внимание! Слушайте! Всех, кого я сейчас зачитаю, здесь больше нет. Их этапировали, т.е. отправили!

Он начал читать, строго по алфавиту. Мы все стояли немо, тихо и внимательно слушали. Буква «и» подходила все ближе, меня бросало в холод и жар – если моих братьев и отца здесь уже нет, я не смогу им ничего передать. Тут дело дошло до буквы «и», и он громко закричал в толпу:

– Иоганнес Филипп Петрович, Иоганнес Филипп Филиппович и Иоганнес Теодор Филиппович – их здесь больше нет!

Так все мы, чьих родных здесь больше не было, разошлись с тяжелым сердцем.

Я подумал: возможно, они находятся в вагонах, которые загружались утром. Пошел к главным воротам, откуда заключенных все еще гнали на погрузку. Сел во дворе у стены и стал смотреть в щели, прямо возле которых проходили заключенные, чтобы увидеть, нет ли среди них одного из моих братьев или отца. Люди были бледными, обросшими, грязными. Они вновь и вновь проходили группа за группой мимо моего укрытия, склонив печальные головы. Когда все вагоны были загружены, я еще раз прошел возле них. Чтобы увидеть кого-нибудь из моих родных, смотрел на верхнюю часть вагонов, где к маленьким зарешеченным окошечкам притиснулись заключенные. И здесь я не смог никого разглядеть. Так я печальный возвратился к моей невестке Розе. Отдал все, что накупил, и поехал в Саратов.

Можно себе представить, в каком настроении я продолжил учебу. Я посещал лекции 4-го курса, то и дело сдавая экзамены за 3-й курс. Когда я сидел на лекциях, мои мысли зачастую уносились далеко-далеко, к моим братьям и отцу. (Моя мать не получила от отца ни письма, ни известия о том, куда его отправили и увезли. От Филиппа и Теодора письма впоследствии приходили.) Тут я и сам боялся, что меня тоже заберут сегодня или завтра.

Мои нервы были истощены, я был совершенно изнурен и потерял аппетит. Затем к этому еще добавилась бессонница. Я больше не мог продолжать учебу и пошел в психиатрическую клинику, к нашему знаменитому профессору Кутанину. Он выслушал меня, изложившего свои проблемы, и сказал:

– Ты должен взять академический отпуск и прервать учебу. Сначала тебе нужно пройти курс лечения у нас в клинике, а затем я дам тебе бумагу о том, где и когда ты сможешь отдохнуть в санатории.

Мой диагноз гласил: «Истощение нервной системы». Так я лег в больницу. По правилам мне следовало лежать у профессора Николаева, но там проходили практику мои товарищи по учебе, а это было мне неприятно. В институте никто не знал, где я вообще нахожусь. Моим лечением были горячие ванны, сильное снотворное на ночь, а также так называемый фитин, содержащий очень много кальция, магния и инозитгексафосфорную кислоту. Я очень быстро поправился, опять приобрел хороший аппетит и мог спать, короче говоря – был практически здоров. Я попросил врачей выпустить меня из больницы. Через 25 дней меня выпустили. Я сказал, что сдам последние экзамены, а затем приду и возьму бумагу

для санатория. Так я сдал еще несколько экзаменов, пошел к профессору Кутанину и получил направление в санаторий. Я готовился к последнему экзамену. Тогда я не думал, что это мои последние дни на свободе.

МОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ЛАГЕРНАЯ ЖИЗНЬ с 28 мая 1938 г. до 13 марта 1948 г.

28 мая 1938 г. я должен был сдавать во 2-й советской районной больнице Саратова, у профессора Штерна, последний экзамен – рентгенологию и физиотерапию. После сдачи нами последних экзаменов все студенты были в хорошем настроении и веселы. Я сдал и этот экзамен на «очень хорошо». Мы все разошлись, а я пошел один в направлении библиотеки, чтобы сдать взятые мною книги.

Вдруг меня догнал один из наших студентов, Иоганнес Реймер. Он спросил меня:

– Что ты так торопишься сдать книги еще сегодня?

– У меня в кармане билет, я должен быть в санатории и завтра уезжаю.

Я ведь не имел понятия, что этот Реймер был душегубом. О том, что он являлся агентом тайной полиции, я узнал только в 1957 г., когда перепроверялось обвинение, предъявленное мне в 1938 г. В тот раз меня вызвали в Талды-Курган, в районную прокуратуру, и после этой проверки меня реабилитировали, т.е. признали, что я 10 лет находился в заключении безвинно.

Сдав мои книги в библиотеку, я в хорошем настроении пошел домой. Перед обедом прошел небольшой дождь, стоял прекрасный весенний день. В тот же вечер я еще раз сходил перед отъездом в театр с нашей студенткой Марией Бауэр, в которую был влюблен. Мы вернулись домой уже поздней ночью. Я проводил ее до комнаты, находившейся на первом этаже нашего студенческого общежития. Когда мы с Марией несколько минут стояли перед ее дверью, где и распрощались, на меня с подозрением посмотрела уборщица. То же самое повторилось, когда я прошел мимо нее в свою комнату, находившуюся на 3 этаже. Все парни уже спали, не считая моего соседа по койке М. Гоппе, который спросил меня, где я находился так долго. Пока мы разговаривали, послышался стук в дверь, и я ее приоткрыл. Кто-то спросил:

– Здесь живет Иоганнес?

– Да, это я.

Это была уборщица, которая следила за мной уже тогда, когда я вернулся домой. Она сказала, чтобы я спустился с ней в канцелярию.

Тогда я подумал, что тут что-то не так, и сказал своему соседу Гоппе:

– Сегодня ночью меня арестуют, а ты должен взять мои фотографии и бумаги и передать их Марии Бауэр.

Когда я спустился в канцелярию, там находились трое мужчин в штатском. Один – видимо, уполномоченный – сказал мне:

– Руки вверх!

Я поднял руки, и один из двух остальных обыскал и ощупал все мои карманы. Все мое «оружие», находившееся в карманах, они положили на стол. Тогда первый подал команду:

– Иди вперед, поднимайся в свою комнату.

Они конвоировали меня – один сзади, а двое других справа и слева.

Затем они обыскали все мои вещи и вырвали из каждой тетради, где я записывал лекции, по листу, чтобы взять его с собой. Что за богатства бывают у бедного студента? Теперь, когда они все обыскали, уполномоченный сказал: «Ты арестован», показав мне ордер на мой арест.

Я сложил немного белья и различных мелочей в свое стеганое теплое одеяло, которое моя мать подбила верблюжьей шерстью, и не знал, какой костюм мне надеть. Один был еще совсем новый, другой – уже поношенный. Тут один из этих троих мужчин сказал мне:

– Надень поношенный костюм, ты ведь, наверно, скоро вернешься.

Я со злостью взглянул на него, бросил поношенный костюм и надел на себя совсем новый. Я ведь знал, что из этого дьявольского котла никто не возвращается. Тут первый мужчина сказал:

– Мы должны составить бумагу, что обыск и арест прошли без эксцессов и прочих нарушений.

Тогда они позвали двух студентов из соседней комнаты, которые должны были расписаться в качестве свидетелей.

Затем один сказал, что мы можем идти. Я распрощался с Гоппе и с тяжелым сердцем пошел вниз, на ночную улицу, в сопровождении трех охранников. Так мы дошли до переулка, где стоял «черный воронок», в который они меня посадили. «Воронок» был устроен так, что каждый заключенный сидел один в отдельной камере. Все камеры были уже заняты, каждая была примерно 50 сантиметров шириной и 60 сантиметров длиной, наверху находилась маленькая дырочка для поступления воздуха. Я сидел в самом конце и слышал, что и в других камерах находились такие же заключенные.

Мы двинулись и подъехали к главному управлению тайной полиции (НКВД). Открылись большие железные ворота, и тут, во дворе, нас выгнали. Все шло очень быстро – наверно, они еще не выполнили свой план на эту ночь. Затем меня с моими вещами завели на 3-й этаж. Мы прошли по длинному коридору и остановились у двери, обтянутой черной кожей. Мой конвоир постучал, и мы услышали, как кто-то сказал басом:

– Входите!

Мой конвоир отдал краткий рапорт:

– Доставил Вам заключенного Эммануила Иоганнеса.

Тогда незнакомый мужчина, который сидел за столом, заваленным бумагами, сказал моему конвоиру, что тот может идти.

Я стоял и оглядывал эту большую комнату. Позади человека, сидевшего за столом, на стене висел большой портрет с подписью: «Феликс Эдмундович Дзержинский». Человек на портрете был мне хорошо известен, его называли «Железным комиссаром».

Человек за столом все рылся в бумагах, лежавших на столе. Затем, не обращая на меня внимания, он спросил:

– Фамилия, имя, отчество?

Потом он оглядел меня с головы до ног несимпатичными, большими, порочными, фальшивыми глазами и спросил:

– Ты подтверждаешь, что являешься членом так называемой антисоветской организации молодежи и студентов города Саратова?

– Я не имею понятия о такой организации.

– Если ты не согласен с этим обвинением, то нам придется запереть тебя в тюрьму – возможно, тогда ты вспомнишь свои преступления.

Так он несколько раз зачитал мне это обвинение, чтобы я под ним расписался. Я вновь и вновь говорил, что не имею понятия. Тогда он сказал:

– Раз ты не хочешь подписать и признать это обвинение, мы должны посадить тебя в тюрьму, где ты сгниешь.

Затем он нажал на кнопку, и тут же появился вооруженный конвоир. Он сказал этому конвоиру:

– Уведите этого упряма отсюда в тюрьму, где у него будет время подумать о предъявленном ему обвинении.

Меня доставили вниз, в подвал. Когда мы спускались по лестнице, нам встретился заключенный. Его вели наверх – наверно, на допрос. Согласно правилам, когда встречались двое заключенных, один из них должен был вставать лицом к стене, чтобы заключенные не узнали друг друга. Однако я все же узнал этого человека, это был студент из нашего института, только с русского отделения. Этот студент выглядел ужасно: худой, бледный, обросший, синяки на лице – очевидно, по тем местам его били на допросе. Эта встреча нагнала на меня сильный страх. Когда мы пришли в этот подвал, там уже сидели на скамейках несколько мужчин, и все они должны были смотреть только вперед, на стену. Так мы сидели все в полной тишине, нарушавшейся только при доставке еще одного заключенного. Через некоторое время нас выгнали в «черный воронок» и увезли на улицу Ленина, в тюрьму. Там опять открыли железные замки, и мы попали в тюремный двор. Здесь нас загнали в комнату ожидания. До этого я смог разглядеть это здание снаружи, оно выглядело действительно очень печально. Здание построили в столыпинские времена, к окнам были приделаны ящики из досок, так называемые «намордники», чтобы заключенные не могли выглянуть во двор и на улицу.

Здесь, в комнате ожидания, мы должны были «сыграть на пианино», т.е. с каждого пальца рук сняли отпечатки. Затем нас обследовали с головы до ног, сняли с брюк ремни, вытянули из ботинок шнурки и срезали все металлическое, даже железные пуговицы. Потом меня доставили на 3-й этаж, в камеру № 94. Эти камеры были предназначены для так называемых заключенных-одинок – по одному на камеру. В такой камере в то время разместили четырех заключенных. Войдя, я увидел четверо нар, трое из них были заняты и одна, за дверью, еще свободна.

– Здесь, – сказал надзиратель, – вот твои нары.

Я разложил свои вещи, лег на нары, надзиратель закрыл дверь и, как было слышно, запер ее. Полежав некоторое время и поглядев на пол, я подумал: «Теперь меня заперли надолго». Затем мы познакомились с товарищами по камере. Один из них был сын профессора Голубева, студент. Его отец заведовал кафедрой химии. Второй мужчина был инженером из Австрии, работавшим на комбайновом заводе, его звали Эрнст. Третий был бухгалтером, экономистом с периферии. Товарищи по камере задали мне разные вопросы, и я коротко им ответил. Я очень опасался, что кто-то из них может быть секретным сотрудником НКВД, так называемым сексотом, т.е. камерным шпиком. Первую ночь я не мог спать, вновь и вновь слышал, как надзиратель шагал взад-вперед по коридору, иногда заглядывая в глазок, чтобы убедиться, что мы все еще живы, т.к. часто бывало, что некоторые заключенные предпринимали попытки самоубийства, которые, однако, удавались редко.

На следующую ночь, где-то в 11 часов, меня вызвали на первый допрос. Товарищи по камере предупредили меня, чтобы я не подписывал всякие глупости следователя. Меня доставили на «черном воронке» в главное управление на следствие. Мой конвоир вновь привел меня в ту же комнату, но к другому следователю. Мы познакомились, и он сказал:

– Я твой следователь, моя фамилия Яковенко.

Сначала он держался со мной вполне корректно. Это называлось «игрой в кошки-мышки». Он опять зачитал мне то же самое обвинение. Оно гласило: я являюсь членом антисоветской организации. Он говорил мне совершенно спокойно и дружелюбно:

– Ты все равно не выйдешь, только погубишь свое здоровье, советую тебе подписать твое обвинение лучше сразу.

– Такое обвинение я подписать не могу, – сказал я.

Заключенных всегда вызывали на допрос по ночам, т.к. считалось, что человек, вырванный из сна, несколько податливей, чем в трезвые дневные часы, чтобы сломить его душу. Так он до раннего утра сотню раз просил меня, чтобы я подписал по-хорошему. Эта «игра в кошки-мышки» продолжалась где-то до 4-5 часов утра. Кошки ведь тоже так ведут

себя: поймав мышь, они жрут ее сразу, а еще несколько раз ненамного отпускают и затем пожирают со всеми потрохами. Так мой следователь промучил меня всю ночь. В течение всего допроса я должен был совершенно спокойно стоять в углу. Утром меня опять возвратили в мою камеру.

На следующую ночь меня снова вызвали на допрос, и так продолжалось три ночи. Когда меня вызвали на третий допрос, пластинка сменилась. Теперь меня уже обвиняли не в том, что я являюсь членом антисоветской организации, а в том, что сам был ее организатором. Мне зачитали и членов моей организации: Рейнгольда Рейса, Мартина Гоппе и других, некоторые из которых были арестованы уже до меня.

Во время 4-го допроса мой следователь становился все злее, часто кричал на меня и использовал разные ругательства, чтобы подавить меня морально. Находясь на 5-м допросе, я всю ночь простоял в углу, а мой следователь очень старался заставить меня все же подписать и устал так сильно, что уснул за своим столом. Я стоял на ногах уже пятую ночь и также очень устал. Тут я подумал, что пусть мой следователь хорошо поспит, а я тоже немного отдохну. Я быстро опустился на пол и вытянул ноги. Так мы оба отдыхали с полчаса. Внезапно проснувшись, он испугался. Быстро взглянул на свой пистолет, лежавший наготове на столе. Тут он вскочил, подошел ко мне и закричал: «Смотрите-ка, эта собака без разрешения опустилась на пол!», поднес пистолет совсем близко к моему лицу и пнул меня своим сапогом точно по правой берцовой кости. Мне было так больно, что я был готов возопить к небу. Я не мог больше выдержать и произнес ему в лицо настоящее русское ругательство. Тут он закричал:

– Ах ты, собака, ты еще и ругаешься!

Затем он успокоился. Он вновь сел за свой большой стол, всегда заваленный бумагами, и разложил их по порядку. Я подумал: наверно, мой допрос подходит к концу. Так оно и было, он вызвал конвоира, который вывел меня и доставил назад, в мою тюремную камеру.

Потом меня вызвали в шестой раз, но вечером, несколько раньше обычного. Теперь он сказал мне:

– Ну, ты и упрямец, пора мне с тобой кончать.

Он вытащил из выдвижного ящика бумагу и зачитал мне, что Эммануил Иоганнес считает себя невиновным и отвергает, т.е. отрицает все предъявленное ему в качестве обвинения. Я ее прочел и затем должен был подписать в нескольких местах.

Он выдал мне на руки деньги, которые они отняли у меня при аресте, 60 рублей. Затем он опять вызвал моего конвоира и сказал ему:

– Отведи этого упрянца назад в камеру.

Я сначала думал, что меня освободят, но моя радость была напрасной. Меня вновь вернули в мою камеру. По пути в тюрьму я подумал, что там отберут 60 рублей, и они пропадут. Я спрятал 30 рублей в штанину. Когда я вошел в тюрьму, охранник совсем не обследовал меня, но я отдал остальные 30 рублей и получил на них квитанцию. Правда, я очень опасался, как бы мой следователь не сообщил по телефону в тюрьму, что передал мне 60 рублей. Однако все прошло очень гладко. На этом мое следствие и допросы были завершены.

На следующий день пришел надзиратель, вызвал меня и сказал:

– Тебя переводят в другую камеру.

Я попал во двор и через столь долгое время вновь увидел дневной свет. Меня вместе с еще несколькими заключенными из различных камер погнали в баню, где уже мылись около 50 человек. Я тоже начал мыться, но один человек внезапно хлопнул меня по плечу. Я оглянулся – это был мой преподаватель, доцент Ауэрбах, который вел у нас терапию (политэмигрант из Германии). Он был человек с большим чувством юмора и всегда пребывал

в хорошем настроении.

Тут мне вспоминается такой эпизод. Мы были у этого Ауэрбаха на практике во 2-й советской больнице. Практиковались каждый день, как можно ощутить рукой сильный порок сердца. Если приложить руку к сердцу, то слышно и чувствуется, как кровь, которая не выталкивается через сердце вперед, течет назад сквозь поврежденный клапан, издавая особый звук. Все мы, студенты, должны были один за другим сами ощутить рукой этот звук. Так мы попали в палату, где лежала молодая красивая девушка с таким пороком сердца. Мы все по очереди прикладывали руку к сердцу, и при этом приходилось немного прикасаться и к соску на груди. Когда очередь дошла до нашего студента Давида Линдермана, очень застенчивого парня, он клал руку то выше, то ниже, справа, слева, но не на нужное место напротив сердца – он очень стеснялся и не хотел прикасаться к соску. Господин Ауэрбах некоторое время наблюдал за ним, затем схватил его руку и – хлоп ее на грудную железу. Среди всех нас, студентов, раздался сильный хохот. А Линдерман покраснел, как старый петух, и пациентка тоже. Тут Ауэрбах сказал:

– Ты ведешь себя, как курица на яйцах.

У Ауэрбаха и его жены Эдит тоже была комнатка в нашем общежитии. Мы проходили мимо нее, когда спускались с верхнего этажа в столовую. Однажды мы прошли там ранним утром и увидели, что их дверь опечатана. Мы расспросили девочек, живших в комнате рядом с ними, и услышали в ответ, что Ауэрбахов ночью арестовали. Тут я опять испугался и теперь вспомнил об этом.

Когда мы помылись и оделись, я разыскал мой мешочек с некоторыми продуктами, купленными мной за свои деньги, и дал моему Ауэрбаху несколько кусков сахара, за что он обнял меня и очень благодарил. Мне было очень печально, я сильно сочувствовал ему. Он очень исхудал, был бледен, с его живота складками свисала кожа. Мы расстались, и больше я его уже не увидел.

Затем меня с еще несколькими заключенными погнали через весь тюремный двор. Тут я через долгое время смог вновь насладиться воздухом. В следственной тюрьме было такое правило: нас каждый день выгоняли на 15 минут, руки за спину, голову опустить, смотреть в землю, не разговаривать. Так нас в течение 15 минут гоняли гуськом по двору.

Тут мы с нашим конвоиром подошли к одноэтажному длинному зданию в конце двора, с большими зарешеченными окнами без стекол, но и без «намордников». Говорили, что при царизме здесь была мастерская, где должны были работать заключенные. Сюда сажали тех заключенных, чьи допросы были завершены. Когда мы вошли в это здание, надзиратель указал нам наши спальные места. В этом здании соорудили трехэтажные нары, но все они уже были заняты: сюда втиснули более 300 заключенных. Мы получили места под нарами, на земле, где между землей и нарами было пространство сантиметров в 40. В это пространство можно было прошмыгнуть, но там нельзя было перевернуться с боку на бок. Чтобы выбраться, нужно было, упираясь ногами, выползть из-под нар задницей вперед. Так нам пришлось промучиться несколько дней. Потом некоторых заключенных увели из нашей большой комнаты, так что мы смогли улечься на нары.

Некоторые воспоминания о жизни в этом человеческом котле

Здесь было весело, ведь сюда собрали разных людей с различными специальностями и образованием. Нам не давали книг для чтения или чего-то другого, чтобы проводить время. Мы делали шахматные фигурки из хлеба, а также различные щипковые инструменты – например, балалайки, мандолины, гитары, и все это приходилось изготавливать тайком.

Струны для этих инструментов поставляли нам больные: если кто-то попадал в тюремную больницу, то он должен был приносить оттуда проволочную сетку, которой предохраняли окна от проникновения мух. Таково было наше времяпрепровождение и развлечение в этой одинокой и скучной тюремной жизни. Мы музицировали с нашим струнным оркестром в основном по вечерам. Этим музицированием мы поддерживали настроение наших товарищей по заключению. Зачастую в нашу камеру, как дикарь, врывается надзиратель, чтобы отнять у нас инструменты, приобретенные с большим трудом. Но в нашей камере было строгое правило: как только у двери слышалось, что надзиратель орудует замками, объявлялась тревога. В этой камере было ведь свыше 300 человек. Если все они спускались с трехэтажных нар, то пройти не мог никто. Как только кто-нибудь громко кричал «Атас!», то все заключенные тут же оказывались в пространстве между нарами, и надзирателю было невозможно протиснуться в задний угол, где находился наш ансамбль. Так продолжительное время шла «игра в кошки-мышки» с надзирателем. Если он иногда протискивался в задний угол, то инструменты уже были спрятаны под половицами.

Как-то в субботу, когда мы очень хорошо играли, это можно было услышать издалека – ведь в окнах не было стекол. Вдруг мы увидели, что снаружи перед окнами стоит и беседует все лагерное начальство, затем послышался громкий смех. Дверь внезапно открылась, вошли двое надзирателей и пробились через толпу в задний угол, где уже находились в укрытии наши инструменты. Они вскрыли полы, вытащили все инструменты, вынесли их во двор и ушли вместе с начальством. Мы сквозь зарешеченные окна смотрели вслед нашим любимым инструментам. У руководителя нашего ансамбля г-на Фишера, бывшего солиста оперного оркестра в Саратовском театре, в глазах стояли слезы. Мы долго сидели вместе и ломали себе головы над тем, кто из заключенных донес этому надзирателю о нашем укрытии для инструментов. Это было еще одно доказательство, что и здесь, среди заключенных, а не только среди населения на свободе, имелись шпики (стукачи). Этому шпику повезло, что его предательство не было разоблачено – за такое преступление «тюремный суд» наказывал не годами заключения, а только смертным приговором.

У нас в камере был и парикмахер, еврей по фамилии Харон. Этот человек регулярно брил нас, у него была самодельная бритва. Откуда он ее взял, никто не знал, ведь такую бритву нельзя было иметь, с этим было очень строго. Как правило, у нас в камерах каждые две недели устраивалась охота на клопов. Мы должны были выходить во двор со всеми вещами, нары разбирались, все ошпаривалось кипятком, чтобы уничтожить клопов. Затем нас опять загоняли внутрь, но сначала проводился строгий осмотр, чтобы никто не мог занести в камеру что-то железное. Наш парикмахер Харон стоял и думал: теперь моя бритва пропала.

Однако этот еврей очень быстро нашел выход. В нашей камере стояла большая печка, в которой угнездилась приبلудная кошка с маленькими котятками. Он поймал эту кошку, привязал ей бритву под животом, и когда разобрали нары, кошка убежала через окно во двор. Когда нас опять загнали и установили нары, кошка тоже вновь возвратилась к своим маленьким котяткам. Так наш парикмахер снова получил свой инструмент, которым он заработал себе не один кусок хлеба.

Так мы прожили нашу тюремную жизнь в этом большом здании с июля до 30 октября 1938 г. Поздно вечером 30 октября в нашу камеру пришли люди, зачитали по списку фамилии очень многих из нас и сказали:

– Готовьтесь, завтра те из вас, кого мы зачитали, пойдут по этапу!

Там был и я. Затем они добавили:

– У кого есть родственники в городе, можете дать нам адрес и написать, что вам нужно из теплой зимней одежды, мы вам ее доставим.

Да, еще они говорили, что нас всех высылают на север, в холодные края. Я тоже дал адрес своей подруги Бауэр, но из одежды мне ничего не принесли. Я и не хотел одежды,

только хотел дать ей знак, что меня этапируют из Саратова. Так что мне пришлось отправиться из Саратова по этапу в летней одежде, которая была на мне, когда 28 мая меня арестовали.

3 ноября нас доставили в другой большой сарай, где уже находились многие заключенные. Здесь я встретил своих товарищей-студентов Рейнгольда Рейса и Мартина Гоппе. Об этих людях следователь несколько раз говорил мне на допросах, что мы принадлежим к одной антисоветской организации. Когда я увидел Рейса и заговорил с ним, он сказал:

– Дорогой друг Эммануил, я подписал, что ты был членом нашей антисоветской организации. Я не мог это больше выдержать. Меня били, истязали и мучили, пока я не подписал эту глупость – всё, что они предписали мне и потребовали от меня.

Теперь мне стало ясно, почему следователь так быстро прекратил меня допрашивать. Этого Рейса арестовали за несколько месяцев до меня. Видимо, я еще гулял на свободе, а в тайной полиции давно лежал на столе приказ о моем аресте.

Выяснилось также (мне это зачитали уже в лагере), что я по постановлению так называемого Особого совещания получил 10 лет лишения свободы. Далее, собрав нас всех в большом помещении, они протянули до ночи, пока не начали доставлять нас для отправки на товарную станцию. У кого были с собой деньги, тот мог купить себе продуктов. Я купил сахара, масла и сухарей на остатки денег, спрятанных мною в брюках. Так 3 ноября 1938 г. нас, заключенных, погрузили по 25-30 человек в товарные вагоны и под строгой охраной доставили на товарную станцию. Там уже стоял целый эшелон из пустых «телячьих» вагонов. Нас загнали по 48 человек в эти скотские вагоны и заперли двери на замок. Внутри этих вагонов были подготовлены двухэтажные нары.

Здесь, на этой станции, мы простояли день и ночь. Пришло много родственников, чтобы еще раз увидеть в маленькое зарешеченное окошечко своих отцов, братьев и сыновей и распрощаться с ними, помахав рукой. Через это окошечко многие увидели своих арестованных родных в последний раз. Можно себе представить, какие причитания, крики и плач раздавались на этой станции. Все люди стояли метрах в 20 от вагонов, подойти ближе не разрешалось никому. Вдоль нашего эшелона ходили охранники с винтовками на плечах. У нас в вагоне было два знакомых мне учителя – Оберт и Адам Шайдт. Последнего, как и его жену, я знал очень хорошо, они были учителями в Куккусе, в той школе, где я учился. Жена этого Шайдта тоже стояла снаружи среди толпы и плакала, а Шайдт стоял здесь, в 20 метрах, запертый в этот скотский вагон, и также плакал. Так люди прощались через зарешеченное окошечко взмахом руки, в большинстве своем – навсегда. Я не мог ожидать никого, с кем бы мне было проститься.

К вечеру наш эшелон двинулся, но куда – не знал никто. Перед отправкой наши охранники тщательно простучали деревянной палкой каждую доску, чтобы убедиться, что изнутри никто не подготовил побега заключенных через дырку. Пока мы были в пути, нас аккуратно кормили половиной селедки, небольшим куском хлеба и кипяченой водой; по несколько столовых ложек рыбного супа мы получали не каждый день. Наш эшелон часто направляли на запасный путь, где мы стояли по 28-32 часа. Когда мы стояли на одной станции, было как раз 7 ноября, и мы слышали, как на свободе молодежь развлекалась песнями, играла и гармошка. Это ведь был великий праздник Октября, когда народ получил свободу. Мы сидели все вместе, молчали и внимательно слушали. Старик, лежавший в углу, громко сказал:

– Да, теперь все мы, находящиеся здесь, получили свободу. Теперь мы все можем совершенно свободно сдохнуть в дремучих сибирских лесах.

В конце ноября мы прибыли на Средний Урал, на станцию Соликамск. Нас всех выгнали из вагонов, построили по 4 человека в ряд и отогнали на свободное место. По снегу

глубиной в полметра мы добрались до этого пустого пространства. Там стоял большой стол, на котором лежали наши формуляры. Здесь наши конвоиры передали нас лагерному начальнику. Затем нас всех стали вызывать и зачитывать нам, к скольким годам лишения свободы мы были приговорены. Тут я впервые услышал, что приговорен к 10 годам по статье 58, пункт 10. Наш студент Р. Рейс, который подписал, что я был у него членом в выдуманной антисоветской организации, получил лишь 5 лет лишения свободы. Затем с нас снова сняли отпечатки пальцев, что нам было уже знакомо, и загнали нас в большой дощатый сарай. В нашем эшелоне было 600 человек, нас пригнали туда, где было уже полно заключенных. Почти все наши 600 человек были молодыми мужчинами. Из нас хотели сделать хороших лесорубов.

Перед нами поступил эшелон из Москвы – все образованные люди в возрасте. В этом сарае находился и один из так называемых блатных-бытовиков. Почти все нары были сломаны и развалились. Там, где на верхних нарах еще сохранились некоторые доски, сидела блатная шпана и усердно играла в карты. Когда мы вошли и стали один за другим протискиваться в угол, передо мной оказался молодой сильный мужчина, заключенный из летного училища в Энгельсе по фамилии Маслюков, а позади меня – старик, бывший бухгалтер с большой мельницы, расположенной в Саратове вблизи Волги. Имущество этого старичка находилось в мешке за спиной. Когда мы проходили мимо блатных, быстро подскочил один из них, стянул со спины старичка мешок, затащил его наверх к своим друзьям, вытащил пару сапог и принялся их разыгрывать. Старик попросил их вернуть ему вещи, но они продолжали игру.

Пилот не стал долго на это смотреть. Он подошел совсем близко к этим блатным и сказал:

– Верните, пожалуйста, этому человеку его вещи.

Те ответили разными ругательствами, настоящим русским матом. Маслюков еще раз попросил по-хорошему, но ответ был тот же. Тогда этот пилот оторвал от нары доску, тут же оказался наверху и стал бить налево-направо по этим парням. Они очутились на полу, где наши мужики били и пинали их до тех пор, пока они больше не могли встать. Затем их выволокли в дверь и разбросали по снегу. Позже пришел комендант и спросил, что случилось. Наши парни все объяснили ему. Тут комендант поблагодарил и сказал:

– Эти блатные терроризируют и обворовывают всех вновь прибывших, и мы не можем убрать их отсюда. Если мы вызываем их на этап, они не являются и продолжают творить свои дела.

Мы улеглись совсем сзади, в углу, сложили наши вещи в одну кучу и установили охрану, чтобы наше имущество не украли. Ночью из-под нары к нашим вещам внезапно протянулась грязная рука. Тут была объявлена тревога, и все наши товарищи оказались на ногах. Охранявший держал вора за руку, мы вытащили его из-под низа, избивали до потери сознания и затем выбросили в снег. Тут участвовал и я. Заключенные в лагере делились на две категории: мы были «58-е» или так называемые «политические», а другие – «бытовики-блатные». Это была наша первая встреча с блатными.

На следующий день вызвали всех наших, т.е. тех, кто был из Саратова. Нас всех снова проверили, установили наши личности. Нам пришлось сложить наши вещи в кучу, т.к. дальше нас должны были погнать пешком, а вещи хотели отправить следом. Так они доставляют наши вещи до сегодняшнего дня. Я тоже кое-что сложил туда, но свое стеганое верблюжье одеяло не отдал, навесил его на себя, т.к. был одет в летний плащ. На улице было около 40° мороза. Я был одет и обут как в мае, когда меня арестовали, – в летнюю одежду и обувь. Нас вновь и вновь пересчитывали, чтобы никто из нас не потерялся и не мог сбежать. Нам всем приходилось приплясывать, чтобы согреть ноги, настолько мы мерзли. Перед отправкой нам объявили инструкцию, гласившую: шаг вправо или влево считается побегом,

стрелять будут без предупреждения. Нас сопровождали собаками и винтовками – сзади, спереди и по обеим сторонам.

Так нас гнали 25 километров, пока мы не прибыли в маленькую деревеньку. Здесь нас распределили по всем домам. Нас согнали настолько тесно, что мы могли только стоять или сидеть. На следующее утро опять выгнали, несколько раз пересчитали, и вновь прежняя «молитва»: «Шаг вправо или влево считается побегом, стрелять будем без предупреждения!» Но наши ноги так мерзли, что стоять на месте было невозможно. Нас гнали еще 25 километров, пока не загнали в лагпункт, не занятый заключенными. Здесь мы в первый раз получили суп-баланду, сваренный из рыбьих голов. Бараки не отапливались, там было холодно, все стены были мокрые. Я и еще двое товарищей улеглись на нары и укрылись моим стеганым одеялом. Тут мои товарищи сказали:

– Ну, ты и хитрый, взял свое теплое одеяло с собой. А мы всё бросили и вряд ли получим это снова.

На следующее утро мы от боли в ногах едва могли ходить – после 6 месяцев, которые просидели в тюрьме без движения. Однако нам снова пришлось выйти и двигаться дальше. Мы шли опять через лес, примерно 25 километров. Мы, парни, еще кое-как шли, но пожилые мужчины уже почти не могли ходить, они совсем выбились из сил. Тут охранники поиздевались над стариками. Сначала они спустили на людей собак, пинали бедняг ногами, толкали и били своими прикладами. Если люди больше совсем не могли идти, нам, молодым мужчинам, приходилось возвращаться и почти нести их на руках. Так мы все же достигли, наконец, следующего привала. Теперь мы попали в село, к церкви. Нас загнали туда, где уже были подготовлены трехэтажные нары. Все хотели, конечно, на верхние нары, где должно было быть теплей. В церкви не было печки. Было холодно, как на улице. Вверху, на третьем этаже, скапливалось все больше людей. Поздно ночью нары рухнули, в церкви раздались такие крики и вопли, что испугалась охрана. Они стали стрелять в воздух, призывая на помощь. Погибших не было, только несколько травмированных.

В 4 утра опять дальше. Однако до этого нам всем пришлось стоять в снегу, пока нас несколько раз пересчитали и снова прочли проповедь с предупреждением по поводу побега. Я думал, что отморожу свои ноги в этих летних ботинках. Нам сказали, что следующий привал – последний. Но эти последние 25 километров стали для нас самым тяжелым участком, мы думали, что им не будет конца. Пожилые мужчины вообще не могли больше ходить, и поначалу нам пришлось их тащить. Охрана совсем озверела. Над ними издевались до тех пор, пока они не упали в снег и не стали кричать на помощь. Тогда один из охранников поскакал вперед и вернулся с несколькими санями, на которые мы погрузили слабых старых людей, доставив их к цели вслед за нашей колонной.

Мы прибыли в ОЛП «Булатовая», это был один из лагпунктов огромного Усольлага. Тут нас опять распределили по рядам, некоторые сидели, другие, что не могли сидеть, лежали в снегу. Теперь всех слабых отделили. Я подумал: эти люди наверняка попадут в такое место, где будет легче, чем там, где окажутся сильные молодые люди. Поэтому я натянул на голову свое теплое одеяло. Тут подошел кто-то и тоже отправил меня к слабым. Мои товарищи крикнули мне:

– Куда же ты?! Иди назад к нам!

Так я простился со своими лучшими товарищами, и нас не впустили в зону, а погнали дальше – сказали, еще за 8 километров. Это расстояние мы шли где-то 10 часов. Этот последний участок нашего маршрута был путем страданий. На этом участке бедные люди ложились в снег и не могли больше идти. Тут опять вволю поиздевалась охрана. Они кричали: чтоб вы сдохли, изменники родины, контрики, собаки, симулянты и т.д. Они снова поскакали вперед, привезли сани, погрузили всех лежащих заключенных и доставили к цели и нас. В этом маленьком лагпункте «Вильва» перед нашим прибытием разместили

штрафников, это был штрафной лагпункт. Здесь не было бараков – только палатки, внутри было всего несколько нар, большинству заключенных пришлось лежать на холодной земле. Наш провиант состоял из 600 граммов хлеба и кипятка.

На следующее утро мы получили свои 600 граммов хлеба, баланду и опять кипяток. Затем нас выгнали к воротам и зачитали нам для ознакомления, какую работу мы должны выполнять. Нам нужно было сжигать то, что оставалось после вырубки леса. Пока нас здесь снова пересчитали несколько раз, все мы стояли полчаса в снегу. Я не мог больше выдержать боль, так у меня мерзли ноги. Я стоял в заднем ряду и быстро ушел назад в палатку. Когда все вышли из зоны и ворота заперли, был произведен так называемый контроль: лагерное руководство – начальник лагпункта, нарядчик, воспитатель, комендант и врач – обошли все палатки и осмотрели оставшихся.

– Смотрите, что у меня на ногах, – сказал я, – пока мы стояли у ворот, у меня едва не отмерзли ноги. Так дело не пойдет.

Тут меня стали обзывать всеми ругательствами, какие только есть в русском лексиконе. Затем воспитатель сказал:

– Идем, я дам тебе обувь.

Мы пошли в его комнатку, отделенную от общей палатки, и он дал мне портянки, а со склада – лапти сантиметров 50 длиной. Обув их и посмотрев сверху вниз на свои ноги, я подумал: «Теперь я выгляжу как настоящий русский». Мне и во сне не снилось, что я в своей жизни буду вынужден ходить в такой обуви. На следующий день нарядчик привел меня в строительную бригаду, работавшую в зоне. В этот день бригада ремонтировала амбулаторию. Это здание было построено из горбыля, и мы еще раз обложили его горбылем, заполнив промежуточное пространство мхом. Я познакомился и с врачом, работавшим в этом здании. В обед он накормил меня хорошим супом. Этот человек был латышом. Я подумал: если бы мне удалось устроиться на такую работу, я был бы спасен.

На следующее утро, когда всех снова выгнали на работу в лес, я остался в палатке. Затем лагерное начальство вновь обыскало все палатки, чтобы выявить отказчиков от работы. Так они дошли и до меня и спросили:

– Почему ты опять остался?

– Я ведь работаю в строительной бригаде.

– Какой из тебя строитель?

Тут начальник лагпункта сказал:

– Оставьте его сегодня еще раз в зоне, но чтобы завтра ты вышел на работу в лес!

Ночью, когда мы после ужина уже легли, прижавшись, для тепла, друг к другу, и уснули, пришел комендант и крикнул:

– Встать и с вещами к вахте!

Так нас погнали гуськом по узкой пешеходной тропе через лес, в другой лагпункт № 17, отдаленный от Вильвы на 8 км. Меня и еще нескольких заключенных разместили в сушилке. Там сушилась одежда, промокавшая от снега за день работы в лесу. Это была просторная комната, в центре которой стояла большая встроенная жестяная печка. Эту печь топили до тех пор, пока она не раскалялась докрасна. Мы разделись догола и улеглись на пол.

На следующее утро нам нужно было в баню. После этого нас быстро выгнали к воротам на работу. Я попал в бригаду лесорубов, к бригадиру по фамилии Фишер. Он хотел подготовить из нас хороших лесорубов. Однако все мы в этой бригаде Фишера были интеллигентные люди, которые в своей жизни еще не держали в руках топор или пилу. В первый день мы свалили лишь столько сухостоя, сколько требовалось для поддержания большого костра, чтобы он все время хорошо горел, когда мы рассаживались вокруг и, как следует, прогревались. Так продолжалось 3 дня. Мы получали наши 600 граммов хлеба, это был гарантированный паек. На 4-й день нам выдали хлеба за те кубометры древесины,

которые мы заготовили в первый день. Вечером, когда мы вернулись с работы и получили хлеб, всем нам в бригаде Фишера досталось по 300 г. Так мы работали несколько дней и по вечерам получали свои 300 г хлеба. Я подумал: если дело так пойдет дальше, мне конец.

Когда мы через пару дней сидели у нашего костра, к нам на красивом коне подскочил человек и спросил:

– Кто пойдет со мной, только два человека, чтобы помочь грузить бревна моим мужикам? Они на лошадях вывозят древесину из леса к штабелям.

Рядом со мной сидел уже пожилой мужчина Руди, и я сказал:

– Пойдем-ка, попробуем.

Прибыв туда, мы обнаружили 15 мужчин с 15 лошадьми и 15 передками от саней. Мы должны были освобождать бревна от снега и помогать их грузить. Мы, как могли, проработали до обеда. Сил после этого оставалось все меньше и меньше. Вдруг Руди сказал:

– Я больше не могу помогать.

Тут мы сели на пень и подождали, пока вернутся возчики. В это время прямо к нам поскакал молодой сильный мужчина.

– Почему вы не подготовили бревен для погрузки?

Он заругался и замахал перед нами кнутом. Я думал, он врежет нам пару раз.

К счастью, прискакал бригадир (этого «героя» уже не было) и спросил:

– Чего хотел от вас этот парень?

Я вполне открыто признался, что мы несколько дней просидели на 300-граммовом пайке, и у нас больше нет сил для выполнения такой работы. Тут он сказал:

– Будете работать здесь, в моей бригаде.

Он поскакал за этим «героем» и несколько раз стукнул его по голове и спине. Затем он вернулся и сказал:

– Сколько можете, насколько хватит сил – работайте! А когда устанете, сядьте и отдохните. Этот «герой», наверно, забыл, что когда он пришел ко мне в бригаду из тюрьмы, то был как дистрофик.

Такого человека, как этот бригадир, невозможно забыть. Его фамилия была Гурченко, он был украинец.

На третий день, когда мы вечером получали хлеб (все еще в бригаде Фишера), нам зачитали, что всем членам бригады положено 300 граммов хлеба, а нам с Руди – по 1100 граммов. Так мы быстро поправились и попали на «Красную доску», как лучшие рабочие в бригаде Гурченко.

Однако я был сыт этой работой, т.к. нам весь день приходилось копать в снегу и к вечеру мы промокали до пупа. Я уже познакомился с другими бригадирами и десятниками. Однажды я спросил одного бригадира, который со своими рабочими доставлял лес к реке и там его штабелевал, не могу ли я перейти в его бригаду. Он сказал, что может это устроить. На следующее утро, перед тем, как нас выгнали на работу, он пришел ко мне в барак и сказал:

– Сегодня ты пойдешь работать с моей бригадой.

Этот человек тоже был украинцем, по фамилии Кривенко. Его бригада была поделена на звенья. Так я попал в звено, где были почти одни узбеки. Звеньевым был высокий сильный человек по фамилии Рустамов. С этими парнями я быстро подружился, и мы работали очень хорошо и дружно. Эти узбеки, как хорошие рабочие, имели собственную комнату и очень часто получали из дома посылки с продуктами. Я жил в общем бараке. Когда они получали посылку, то всегда приходили в наш барак и кричали с узбекским акцентом:

– Иоганнес, идем к нам пить чай!

Работа здесь тоже была тяжелой, но к вечеру ты был сухим.

Как я с общих работ попал в медицину

Мой сосед по верхним нарам тоже был из Саратова. Это был пожилой человек по фамилии Вагнер. Этот мужчина часто болел и при этом постоянно посещал амбулаторию. Придя однажды вечером оттуда, он сказал мне вполне серьезно:

– Эммануил, ты ведь почти врач. Ты бы мог работать лучше, чем этот фельдшер в нашей амбулатории. Пойдем туда завтра, и погляди, как этот человек там работает.

Мы пошли туда, где в большой комнате принимал больных этот «медик». Я посмотрел на него: он стоял в грязном, изорванном белом халате, как мясник. На длинной скамье сидел целый ряд мужчин, держа свои ноги в больших тазах, где находился раствор марганцовки. Я глядел, что этот медик собирается делать с мужиками дальше. Все эти мужчины отморозили на работе в лесу пальцы ног. Большинство пальцев были уже совсем черные и сухие – отмершие. Так он их размягчал и затем отрезал или отстригал щипцами. Мы вернулись, приготовились к ночлегу, и тут мой сосед спросил:

– Как думаешь, ты бы мог работать так в амбулатории?

– Работать так я, конечно, не могу, – сказал я, – но могу по-другому, как меня учили в институте.

Когда я на следующий день рассказал на работе моим товарищам, что планирую подать заявление, чтобы получить работу, где мне удастся применить свои знания, они сказали:

– Из этого ничего не выйдет.

– Попробую, возможно, и получится, – сказал я.

Когда я вечером вернулся домой, Вагнер сказал, что мы должны подготовить заявление. Правда, у нас не было бумаги, но имелся карандаш. Мы позаимствовали у одного заключенного бересты. Дело было в понедельник.

– Не отдавай это заявление сегодня, – сказал Вагнер, – понедельник – день тяжелый, отдай его во вторник.

Во вторник я пошел к начальнику лагпункта по фамилии Чернышев. В прошлом он тоже был заключенным, но теперь уже освободился. Он сказал:

– Я передам твое письмо дальше, в главное управление в Соликамске.

Я продолжал прилежно трудиться со своими товарищами-узбеками примерно еще месяц. Вдруг поздно вечером к нам в барак пришел наш прораб и крикнул:

– Иоганнес, идем со мной в Красный уголок.

Я испугался, подумал: что там еще стряслось? Идти так поздно одному в Красный уголок – это подозрительно. Открыв дверь, я увидел, что за длинным столом сидит почти все наше лагерное руководство: начальник лагпункта, нарядчик, воспитатель, комендант, а также представитель 3-го отдела (тайной полиции) и посередине – не знакомая мне женщина в белой шубе.

Они спросили у меня мою фамилию, затем о том, где я учился до ареста, где в данный момент работаю и т.д. Тогда эта женщина стала задавать мне разные вопросы – все по медицине. Я ответил ей на все вопросы, т.к. они были мне хорошо знакомы. Затем женщина повернула голову к нашему лагерному начальнику и сказала очень тихо, но я хорошо ее расслышал:

– Этот человек хорошо разбирается в медицине в теоретическом плане, его можно назначить медиком у вас на 17-м лагпункте.

Когда я это услышал, мне стало ясно, что теперь я смогу работать в зоне и больше не должен буду ходить в лес на общие работы. Я пошел назад в свой барак и сказал моему коллеге Вагнеру:

– Если теперь меня благополучно назначат в амбулаторию, то я спасен.

– Это очень хорошо и для меня, – сказал Вагнер.

Он знал, что в лагере медик играет большую роль в судьбе и выживании заключенных.

На следующее утро, перед тем, как выгнать на работу всех заключенных, к нам в барак пришел нарядчик и крикнул:

– Йоганнес сегодня останется в зоне и пойдет в кабинет к лагерному начальнику, когда все уйдут из зоны на работу.

Когда я пришел в кабинет к этому начальнику, он указал мне на мягкое кресло и сказал:

– Поздравляю тебя с назначением помощником врача в нашей амбулатории.

Затем он подошел ко мне совсем близко и добавил:

– У меня к тебе большая просьба. В ближайшие дни мы ждем из Москвы большую авторитетную комиссию. Они хотят проверить санитарное состояние в нашем лагере. Заключенные завшивлены, особенно в 4-м бараке. И клопы тоже распространились очень сильно. Прошу тебя, помоги мне выпутаться из этой неприятности. Я временно назначаю тебя заведующим баней и прачечной. Бывший заведующий, татарин Хараулин, отсидел свой срок, освобождается и послезавтра едет домой. Если тебе удастся уничтожить клопов и вшей, ты будешь работать помощником врача в амбулатории.

Я взял себе нескольких мужиков и сани с двумя лошадьми, чтобы вывезти одежду и тряпье в так называемую прожарку, где тряпки дезинфицировались при жаре. Мы обдали нары кипятком, чтобы сдохли все клопы. Вечером, когда заключенные пришли с работы, мы пропустили обитателей этого барака в зону через баню, где им выстригли все места, на которых только растут волосы у человека, и затем разрешили им вернуться в барак. Так я со своими помощниками 2 раза обработал все 8 барачков. После этого мою работу должна была оценить местная комиссия, был проведен основательный контроль. Вечером лагерный начальник вызвал меня к себе, поблагодарил и сказал:

– С завтрашнего дня, т.е. с 20 марта, ты имеешь право работать помощником врача с врачом Язвинским (латышом).

На следующее утро я пошел в амбулаторию, представился этому врачу, и он сказал:

– Я уже в курсе, это очень хорошо, что у меня наконец-то будет помощник.

Он работал один со старой уборщицей. Затем он добавил:

– Иди в соседнюю комнату, и после приема мы познакомимся поближе.

В это время уборщица принесла из кухни обед. Она поставила еду на стол и сказала:

– Ешьте, а я пройду к врачу.

Я оглядел эту посудину с супом-лапшой и овсяной кашей и подумал:

– Для меня это, однако, хорошая порция.

Еда показалась мне вкусной, и я съел все, что принесла эта женщина. После приема врач пришел ко мне в комнату и заглянул в эту посудину, которая была совершенно пустой. Однако он ничего не сказал, пошел к своему шкафчику, взял сухарь и приготовил к нему чай, чтобы утолить свой голод.

Позже, через неделю, мы поговорили о том, как тяжело приходится страдать от голода заключенным.

– Да, – сказал он, – ты тоже довольно сильно изголодался, когда пришел к нам.

– Почему? – спросил я.

– Когда уборщица в первый раз принесла еду нам троим, ты съел все три порции.

Мы расхохотались, когда я сказал, что в тот раз немного ошибся. Я ведь подумал, что это была порция только для меня одного.

Этот врач повел меня в больницу, где лежали 10 больных, и проэкзаменовал. Я должен был обследовать всех этих десятерых мужчин и установить правильные диагнозы. Это не явилось для меня особой проблемой. Затем он сказал мне:

– Твоя работа – трижды в день посетить кухню, проконтролировать перед раздачей еду и отметить в журнале, насколько хорошо приготовлено блюдо.

Я подумал, что это для меня неплохая работа.

– Во-вторых, – продолжал он, – ты должен следить, чтобы во всех бараках каждый день мылись полы, чтобы к вечеру в бочках была приготовлена кипяченая вода и т.д.

Так я 2 месяца проработал с этим врачом. Мне редко приходилось самостоятельно вести прием – только иногда по вечерам.

Незадолго до того, как поступил приказ, что все заключенные 17-го лагпункта распределяются по другим лагпунктам, а 17-й закрывается, мы получили нового врача. Он был из Москвы, по фамилии Бронштейн, еврей. Этот человек был очень большим лодырем, он вечно лежал на животе, читал книги и курил свою трубку. Тут мне в последние дни пришлось выполнять одному всю работу. Из последнего лагпункта нас загнали на ОЛП (отдельный лагпункт) «Булатовая». Здесь нам всем пришлось ходить на общие работы, километра за 4, где мы должны были разгружать суда с продуктами. Это была чертовски тяжелая работа. Надо было доставлять на спине 80-килограммовые мешки с мукой по крутому песчаному берегу на гору, в большой лагерь. Неподалеку от этих судов находился другой лагпункт – «Березовая». Мы трудились до глубокой ночи. После работы нас заперли в этот лагпункт. Там работал другой врач, тоже из Москвы, Исаак Эпштейн. Его помощником был Строма, также студент нашего института. Этот Эпштейн сказал:

– Я вытащу вас с общих работ.

Затем мы опять вернулись в «Булатовую», где я некоторое время проработал у профессора Березнева. Он писал научную работу о болезни «пеллагра». Тут внезапно поступил приказ, что меня с Бронштейном откомандировывают в «Березовую», где работал Эпштейн. Когда мы прибыли туда, нас встретил Эпштейн, улыбающийся издали. Он сказал:

– Это я добился, чтобы вас обоих откомандировали к нам. Я сказал, что привезли мясо, по-видимому, зараженное инфекцией. Заключенные его ели, и теперь они все должны получить профилактические прививки от этой инфекционной болезни, иначе может возникнуть массовая смертность.

Это Эпштейн сказал только для того, чтобы вытащить нас с общих работ. Мы не делали профилактических прививок – мы устроились в амбулатории очень хорошо.

В это время освободился Строма, он поехал в Саратов и продолжил учебу в тамошнем институте. Меня назначили на его место, помощником к Эпштейну. В этом 1939 г. освободились очень многие заключенные. Однажды я пришел с работы и, проходя по зоне, встретил нарядчика, который крикнул мне:

– Иоганнес, тебя освобождают!

Я пошел в амбулаторию. По пути туда встретил главврача. Он обнял меня и сказал:

– Эммануил, ты свободен!

– Откуда Вы знаете, что меня освободили? – спросил я его.

– Я сегодня говорил по телефону с нашей начальницей санитарного отдела Муратовой. Она мне сказала: Иоганнеса выпускают на свободу, и на его место мы направляем Георгиевского.

Я от радости не мог ни спать, ни есть, ни работать. Так я прождал день, что меня вызовут для освобождения. Два дня, три дня – и тут все заглохло. Это были самые трудные дни, пережитые мной в моей жизни. В этот период из нашего лагпункта так больше никого и не освободили. Мой брат Филипп, находившийся в другом лагере, освободился в то время. От моей дорогой покинутой матери я получал письма очень редко. Однажды она написала мне, что получила письма от моих братьев Теодора и Филиппа, но от отца до сих пор нет ни единого известия. Я все время думал: может, мой отец сидит здесь, в нашем лагере? Так я написал прошение в Москву, в так называемый ГУЛАГ, т.е. Главное управление всех лагерей

огромного Советского государства. Через месяц меня вызвали в третий отдел – секретную службу. Здесь меня спросили, писал ли я заявление в Москву по поводу своего отца. Я ответил: да. Этот человек вытащил бумагу и сказал, не глядя мне в лицо:

– Твой отец, Филипп Иоганнес, осужден к 10 годам лишения свободы, без разрешения на свидания, а также без права переписки.

Я все время задавал себе вопрос: где может находиться мой отец? Как выяснилось позже, это был *первый обман* по поводу местонахождения отца. Так я проработал еще некоторое время с врачом Эпштейном.

В 1940 г. меня перевели в Котомыш, другой лагпункт, на сей раз уже в качестве заведующего амбулаторией. Там до этого заведовал старый поляк. Однако когда я прибыл в этот лагпункт, заведующим назначили меня, а этого поляка Скачковского – моим помощником. Его работа состояла в том, чтобы находиться с санитарной сумкой у рабочих в лесу и в случае, если кто-то травмируется, оказать первую помощь. Так мы несколько месяцев проработали вдвоем. Однако этот поляк был недоволен своей должностью, он хотел опять заведовать амбулаторией. Так этот Скачковский начал вести среди рабочих в лесу сильную агитацию против меня. Он играл в одну игру против меня и с блатными – шпаной, убийцами. Ко мне часто приходили так называемые «пятьдесят восьмые» и говорили:

– Филиппыч, против тебя на работе в лесу ведется большая агитация. Он всегда говорит, что этот «фриц» боится освободить от работы много лесорубов. Мол, если бы я мог работать на его месте, я бы больше освобождал от работы.

Этот поляк приписал мне еще много глупостей. Решив, что это уже слишком, я позвонил моему шефу и все ему объяснил. Он сказал мне:

– В ближайшие дни я заеду и все урегулирую.

Действительно, через несколько дней прибыл мой начальник с еще несколькими врачами, и они проконтролировали мою работу. После этого контроля они выявили и Скачковского с несколькими свидетелями того, где и когда он высказывался против меня на работе среди рабочих. После этого разговора мой шеф сказал:

– Товарищ Скачковский, с завтрашнего дня ты уже не медик, а лесоруб.

Позже этого «героя» перевели на другой лагпункт, где он вскоре умер от недоедания.

Так зачастую бывали моменты, когда моя жизнь оказывалась на кону. Меня часто мучили и блатные, т.е. головорезы, убийцы, которые проигрывали мою голову в карты. Однако я каждый раз удачно отделялся – должен сказать, что был счастливчиком. Наверно, был ангел-хранитель, защищавший меня. Ты ведь всегда надеялся, что однажды, наконец, выберешься из этого дьявольского котла. Так было в лагере – борьба за свою бедную жизнь.

Лагерная жизнь после начала войны

Утром 22 июня 1941 г. я пришел на вахту. Я хотел пойти из зоны к одному больному из числа гражданских. У меня ведь было разрешение, что я в любое время могу выйти из зоны. Тут охранник закричал на меня:

– Назад, никому нельзя покидать зону!

Затем всех заключенных, уже работавших в лесу, отпустили назад в зону. Мы спрашивали друг друга: «Что случилось?» Лишь 23 июня мы узнали, что началась война между Германией и Россией. Теперь нас очень строго охраняли, и вообще с нами обращались очень грубо.

В начале 1942 г. меня опять перевели в другой лагпункт. Когда я проработал там некоторое время, прибыли новички, при приеме которых мне нужно было присутствовать. Когда мы собрали их в прихожей, я осмотрел всех, и среди них оказался и мой преподаватель

по мединституту Адольф Рис, он вел у нас предмет «марксизм-ленинизм». Я подошел к нему, осмотрел его и спросил:

– Вы ведь Адольф Рис?

– Точно, это я.

Он немного подумал и затем сказал:

– Ты же Иоганнес, студент немецкого отделения Саратовского мединститута?

– Именно так, – ответил я.

Он сильно исхудал. Я часто подкармливал его у себя в амбулатории и освобождал от работы. Через несколько недель он очень хорошо поправился. Однако его опять убрали от нас в другой лагпункт, где он и умер. Этот А. Рис был очень высокий сильный человек. Тут я хотел бы добавить из собственного опыта, что первыми гибли высокие сильные мужчины, а во вторую очередь – курильщики, т.к. они часто выменивали на табак последний кусочек хлеба.

Весной наш лагпункт снова расформировали. Я попал в очень плохой лагпункт, где почти все заключенные были истощенными, так называемыми дистрофиками. В большинстве своем они настолько ослабли, что не могли ходить на работу в лес. Те, что еще ходили, должны были идти километров за 8 в лес и валить деревья. Начальником этого лагпункта был инвалид с фронта, очень нехороший человек. Он не сочувствовал бедным заключенным. Иногда они возвращались назад с работы поздним вечером, совсем изможденными и уставшими. Их встречали перед зоной, и тут бригадира спрашивали:

– Вы выполнили план, который мы вам дали?

Если было невыполнено несколько кубометров, то вся бригада должна была опять идти в лес за 8 километров и выполнять остаток плана. Некоторые плакали и просили, чтобы их не отправляли назад. Но им приходилось опять идти в лес, тут не было милосердия и пощады.

Иногда случалось, что некоторые умирали у костров в лесу. Когда я прибыл на этот лагпункт, дела со снабжением продуктами обстояли очень печально и плохо. Порой не было хлеба, а только суп изо ржи и каша, сваренная тоже из зерен ржи, – рожь не перемалывалась на крупу. Как заключенные поедали рожь, так же они и доносили ее до туалета. Поэтому было множество болевших поносом. Сюда в то время попал и наш студент Р. Рейс – тот, что подписался против меня у следователя. Однажды вечером он пришел ко мне в амбулаторию и сказал:

– Иоганнес, мне придется здесь умереть, я не смогу больше выдержать.

Он уже опух от голода, особенно ноги до колен. Я освободил его на несколько дней и помог ему с едой. Затем я отправил его с другими больными в районную больницу в Котомыш.

Я несколько раз обращался к начальству, чтобы улучшить снабжение продуктами, но безрезультатно. Заключенные все больше слабели, и смертность все росла. У меня тоже была маленькая больница, где мне однажды пришлось стать свидетелем, как ночью умерли 50% больных и еще некоторые в бараках. Я больше не мог на все это смотреть, да и боялся, что могу попасть под суд. Так я написал и позвонил по всем инстанциям, сообщив о положении на этом лагпункте. Через несколько дней прибыла комиссия из главного управления лагеря, осмотрела всех заключенных и перевела в больницу в Котомыш совсем слабых и больных. Через неделю поступил приказ: перевести в Котомыш всех заключенных. Так попал в Котомыш и я с оставшимися заключенными – все на общие работы.

Затем меня опять перевели в другой лагпункт. Здесь находились одни сильные лесорубы, и вообще это был один из лучших лагпунктов. Тут меня снова назначили заведующим амбулаторией, где со мной работала помощницей еще одна еврейка. Здесь была и больница на 10 коек. Однажды мой начальник позвал меня к телефону и сказал:

– Завтра к вам прибывают новые заключенные, и среди них – врач по фамилии Жуков, заведующим будет он.

Тут я испугался, что мне опять придется идти на общие работы. Появившись в зоне, этот врач оказался высоким сильным мужчиной с усами и в темных очках – короче говоря, человеком, внушающим уважение.

Я хотел передать ему как заведующему все движимое и недвижимое имущество нашей амбулатории и больницы, но он отказался. На приемах он всегда выдвигал меня вперед, и когда нужно было выписать рецепт на латыни, просил меня. Проставляя диагноз в журнале, он писал такую чушь, которую не мог понять ни один черт. У меня возникло тайное подозрение, что это вообще не медик.

По утрам мне всегда приходилось рано вставать, снимать на кухне пробу с еды и записывать в журнале, как она приготовлена. Когда заключенных выгоняли из зоны, я обходил все бараки. Я следил, чтобы все дежурные по баракам вымыли полы и вообще в помещениях были чистота и порядок. Дежурный был также обязан приготовить к вечеру большую кадку с кипяченой водой. Должна была стоять и маленькая бочка с хвойным экстрактом. Все должны были пить этот экстракт как антицинготный. В этом экстракте должен был содержаться витамин «С», хорошее средство от цинги. После этого я возвращался в амбулаторию и будил своего шефа, еще не успевшего очнуться от ночного сна.

Однажды я пошел после завтрака к парикмахеру. Я сидел в кресле и мог хорошо видеть в зеркало, что происходит снаружи. Вдруг я увидел, что мимо окна пробежала моя помощница, Анна Михайловна, да так, что она со своими кудрями смотрелась на ветру, как вихрь в белом халате. Она кричала:

– Где Филиппыч?

Я выбежал и спросил:

– Что случилось?

– Идемте скорей в амбулаторию и поглядите, что там творится, – сказала она.

Я быстро побежал туда и увидел лежавшего на носилках мужчину с открытым переломом правой ноги и в запачканной кровью одежде. Мой шеф лежал рядом и был без сознания. Моя помощница сказала, что когда «врач» хотел наложить этому человеку повязку и увидел кровь, то упал без чувств. Я обработал травмированного и перевел его в свою больницу. Помощница призвала меня:

– Верните же поскорей к жизни нашего шефа!

Я ответил, что это не к спеху. Затем я поднес тампон с нашатырем под нос шефа, и так он опять пришел в себя. Тут мне стало ясно, что мой шеф не был настоящим врачом. Я подумал: ну, теперь хватит, мне нужно сообщить начальству свое мнение об этом «враче». Когда я позвонил своему главному начальнику и сказал, что мой шеф – не врач, а шарлатан, он как следует выругал меня и ответил, что я не должен дискредитировать и компрометировать этого врача.

Через какое-то время «врача» перевели в районную больницу, где работал мой коллега Р. Рейс. Я сообщил ему свое подозрение о том, что за врач был переведен от меня к ним. В этой больнице работали несколько врачей, которые очень быстро его разоблачили. Его посадили, и он попал под лагерный суд. Так заключенные использовали разные средства, чтобы только не работать в лесу и не помереть доходагами.

Вновь и вновь шла борьба за выживание. Здесь я хочу описать еще один эпизод, как блатная шпана хотела пристроить одного из своих дружков шеф-поваром на кухню. Как-то вечером ко мне в амбулаторию пришла целая делегация, неся тарелку с супом-баландой, в которой лежал маленький мышонок. Они закричали:

– Смотри, Филиппыч, чем нас кормит этот повар, его надо выгнать!

Я присмотрелся к этому мышонку и попробовал, можно ли вытащить его волосы.

Однако волосы сидели крепко, их нельзя было вытянуть из шкурки.

– Что вы меня обманываете? Если бы этот мышонок побывал в котле, он бы не только остался без волос, но и разварился до кожи и костей!

Тут эти «герои» покраснелись, как розы, и исчезли из амбулатории. Так блатные планировали изгнать из кухни этого шеф-повара. Если бы я согласился с ними, то повара сняли бы с этой работы.

Так ты все время оказывался меж двух огней. Заключение снизу требовали от меня невозможного. Сверху давило лагерное начальство. То ты превысил число больничных листов, то тебя вызывали на ковер и ругали:

– Ты – фриц, фашист, ты освобождаешь только фашистов!

В 1945 г. меня перевели в лагпункт «Азанка», где я проработал недолго. Затем я в 1946 г. попал на лагпункт «82-й квартал». Это был, кажется, уже 8-й лагпункт, который я перенес в своей лагерной жизни. Этот лагпункт был небольшой. Здесь было совсем мало заключенных – всего 6-8 барачков, и некоторые стояли пустыми, не заселенными.

Однажды я сидел в домике на вахте и беседовал с охранником о положении на фронте. Вдруг мы услышали неподалеку от нашего домика выстрел, а после него – жалобный крик. Мы оба выбежали, чтобы посмотреть, что случилось. Тут выяснилось, что один парень зашел на 2 метра в охранную зону, чтобы сорвать там себе немного черники. Человек, сидевший со мной на вахте, сказал:

– Этот дурак на вышке ранил парня.

Я хотел подбежать к этому раненому юноше, но человек сверху выстрелил и в меня и закричал:

– Назад, не то пристрелю тебя, как собаку!

Затем этого юношу доставили ко мне в амбулаторию. Как оказалось, ему было 17 лет, и он не относился к «58-м». Ему дали только 4 года, и до его освобождения оставались всего 4 месяца. Эта собака совершенно раздробила парню кость на правой руке, так что он стал пожизненным инвалидом. Юношу звали Василий Волков. Так этот парень потерял руку из-за пары ягод. Уже в конце войны красноармейцев, охранявших нас на вышках, призвали на фронт, и на их место назначили местных пожилых мужчин из так называемых чалдонов. Начальство так проинформировало этих стариков, натравив на нас, «58-х»: им внушили, что все мы – ярые фашисты, политические государственные преступники.

Здесь я хотел бы описать еще один эпизод, когда моя собственная жизнь, как говорят, висела на волоске. Дело было уже поздно вечером, все рабочие возвратились из леса. Пришел охранник и сказал:

– Шесть обессиленных заключенных остались в лесу, они сидят там у костра.

Тут в сани запрягли двух лошадей, и мы поехали, т.к. в таких случаях должен был присутствовать медик. Мы нашли этих бедных людей и погрузили их на сани. Я и возчик сидели совсем близко позади этих лошадей. Эти тоже малосильные лошади с большим трудом тянули сани. Мой возчик вновь и вновь бил бедных животных – не кнутом, а палкой. Когда возчик опять очень резко стукнул лошадь, она ударила назад с такой силой и скоростью и так близко возле моей головы, что моя шапка улетела в снег далеко в сторону. Мы оба так испугались, что не могли сказать ни слова. Если бы эта скотина попала по мне, то я бы, несомненно, должен был испустить дух там в лесу. Тут мне опять повезло, что смерть прошла мимо совсем близко от меня.

В нашем лагпункте у меня был хороший коллега, бывший учитель Шерстобитов, он был у нас нарядчиком. Мы часто дразнили его, что он – крутильщик хвостов. Этот бедный парень сказал на уроке одному лентяю:

– Если ты и дальше будешь так плохо учиться, то даю тебе гарантию, что тебе придется в колхозе крутить хвосты быкам.

Этого было достаточно, чтобы посадить его на 10 лет. Получилось, что этот учитель против колхозов и ведет антиколхозную агитацию. Об этой угрозе лодырю кто-то донес в тайную полицию, и учитель был отправлен на 10 лет в исправительно-трудовой лагерь.

Как людям в лагерях все становилось безразлично

Однажды в одном бараке возник пожар. Мы все помогали тушить огонь. Когда крыша уже почти догорела, и огонь перекинулся на чердак, мы вошли в этот барак и увидели, что на нарах совершенно спокойно спят блатные-бытовики. Мы разбудили их и сказали, что крыша их барака сгорела и уже начал гореть чердак, а они повернулись и ответили:

– Пусть хоть сегодня сгорят все бараки, идите к черту и дайте нам поспать.

Другая история произошла перед нашей зоной, где стояла инструментальная мастерская, в которой после работы хранились все инструменты – пилы, колуны, топоры и т.д. Наш начальник охраны велел пристроить себе к этой мастерской маленький домик, а также курятник. Как-то субботним вечером начальник охраны находился на партсобрании в головном лагере Мысья, удаленном от нашего лагпункта где-то на 8-10 километров. Примерно в 10 часов вечера была объявлена пожарная тревога, и охрана выгнала нас всех тушить пожар. Когда мы вышли, вся мастерская уже пылала. Мы должны были тушить уже наполовину сгоревшее здание, не имея воды, инструментов, даже лопат, которыми можно было кидать на пламя снег. Мы руками бросали снег в огонь, но все безуспешно. Неподалеку от зоны была конюшня. Там запрягли лошадей в сани с бочками воды, но они не смогли подъехать к мастерской достаточно близко, т.к. там не было дороги, и лежал снег метра 2 толщиной, а лошади застревали в снегу и не могли сдвинуться ни взад, ни вперед. Охрана оповестила своего начальника, находившегося на партсобрании. Он вскоре прибыл и давай кричать:

– Это же умышленно подожгли фашисты вместе с блатными!

С нами тушили огонь и блатные-бытовики. Эти мужики нашли себе железные прутья и стали искать в золе жареную курятину от сгоревших кур. Заметив это, начальник опять закричал:

– Вы что, подлецы, жрать пришли, а не помочь тушить огонь!

Блатные прикинулись глухими. Этот «вертухай» – так звали зеки шефа-охранника – обогатился за счет вновь прибывших. Когда были захвачены русской армией и затем доставлены к нам так называемые бандеровцы, у некоторых имелись очень хорошие вещи и одежда, которые этот мужчина выманил у них. Эти вещи тоже все сгорели, на что он очень сердился. А зеки были очень рады, что пропали все инструменты и у злого вертухая сгорели все его вещи. Так заключенные смогли передохнуть несколько дней, пока были доставлены новые инструменты.

В 1945 г., после войны, я был переведен в головной лагпункт «Мысья». Положение в лагерях улучшалось, снабжение продуктами и обращение с заключенными стали получше. Нам давали даже яичный порошок и другие продукты, которые Россия получала от США. Иначе стали обращаться и с мертвецами. Раньше было так: когда заключенный умирал, к его ноге привязывали дощечку с номером и голым ложили в сарай, пока труп не замерз. Посреди ночи его на телеге доставляли к вахте. Прежде, чем вывезти его из зоны, охранник бил молотком по черепу и телу, убеждаясь, что человек замерз как деревяшка. Тут начальник охраны помечал в своей записной книжке, насколько меньше зеков стало в зоне. За зоной был ров, куда, как скот, сбрасывали трупы. Теперь, уже после войны, поступил приказ: хоронить зеков в нижнем белье. Вскоре после этого появился второй приказ: всех зеков хоронить в нижнем белье и гробах. Нам, медикам, также пришло распоряжение: указывать в актах причиной смерти не пеллагру, а дистрофию. По-моему, однако, этим трупам было плевать на

то, что писали в актах о смерти.

Я снова трудился здесь, в этом головном лагпункте, заведующим амбулаторией. В этой зоне была и больница, где работал еврей по фамилии Бык. У меня была еще помощница, по профессии акушерка. Вне зоны, в бывшем овощном складе, были размещены 300 женщин и девушек из немок-трудоустроенных.

С этим Быком у меня были по работе большие сложности. Бык был высокомерным человеком, он хотел казаться умнее всех других медиков. Он заведовал больницей, я – амбулаторией, и каждый отвечал за свою работу. А он все время вмешивался в мою работу. Здесь я хотел бы описать два случая, совсем ухудшивших наши отношения.

Первый случай был такой. Дело было весной, почти весь снег уже исчез, но там, где работали наши лесорубы, лежал снег вперемешку с водой, так что им весь день приходилось работать в этом водянистом снегу. Однажды некоторые из лучших лесорубов пришли на прием и показали мне свои ноги. Я осмотрел их ноги, где между пальцев, а частично и на подошвах исчезла кожа и виднелось голое мясо. Они попросили меня освободить их на несколько дней от работы. Я их, естественно, освободил и подумал, что через несколько дней их можно будет опять послать работать. На следующий день – к счастью или несчастью – из управления в Соликамске прибыл главврач Лушай. Этот врач прошел мимо моего окна, держа под рукой большую папку, прямо в больницу к Быку. В тот день я освободил где-то 45 заключенных.

Прошло немного времени, и Бык с этим врачом пришли ко мне в амбулаторию и спросили, сколько заключенных я освободил от работы. Я сказал: 45. Тут они заметили:

– Мы хотим посмотреть, что это за больные.

Я сказал своему санитару со знаменитой фамилией Суворов:

– Иди и позови к нам в амбулаторию всех освобожденных заключенных.

Они осмотрели этих людей с поврежденной кожей на ногах, вычеркнули их всех из книги, куда я записывал освобожденных зеков, и сказали:

– Пусть завтра все идут работать в лес.

Затем Бык сказал этому главврачу:

– Видишь, как работает наш немец.

Главврач промолчал, но во мне скопился сильный гнев. Когда эти двое ушли и больные тоже вернулись в свои бараки, я пошел за зону к своему непосредственному главврачу от нашего головного лагпункта, вольнонаемному Василию Дивокову, и сообщил ему обо всем. Он сказал:

– Иди назад и вызови опять в свою амбулаторию всех больных, я через несколько минут к вам зайду.

Придя, он осмотрел всех и сказал:

– Все, кого ты освободил, должны быть освобождены, и вычеркни писанину этих врачей красным карандашом.

Затем он добавил:

– Ты их всех освободил правильно.

Можно себе представить, какие настроения против этого Быка возникли среди заключенных. В тот же вечер в лагерной конторе была проведена комиссия, на которой обследовали всех заключенных, чтобы установить состояние их здоровья. Тут к врачам на эту комиссию пришел заключенный, которого я уже освободил от работы на следующий день. У него под правой лопаткой был большой нарыв, наподобие карбункула. Когда очередь дошла до этого человека, его спросили:

– Ты был у Иоганнеса в амбулатории?

Тот сказал:

– Да, он освободил меня на завтра от работы.

Бык, увидев этого человека (кажется, он тоже был немцем), разозлился и закричал:

– Ну-ка, вызовите мне сюда этого Иоганнеса, что это он освобождает от работы здорового человека из-за такого маленького нарывчика, как же нам тогда выполнять план по лесоповалу!

Я пришел, зашел в комнату, где сидела комиссия, и представился. Тут этот Бык опять начал кричать. Он ведь хотел выслужиться перед начальством и создать себе авторитет. Дверь была открыта, и все рабочие стояли полуголыми в прихожей. Они заглянули и увидели всё, что тут происходило. Я взглянул на Быка и так разозлился, что схватил со стола счета и сказал:

– Мне бы разбить этими счетами твою толстую разожравшуюся рожу, а тебя отправить завтра с таким нарывом в лес, и ты бы испытал, как тебе будет работаться целый день с пилой.

Главврач сидел совсем тихо, не сказав ни слова. Он был такой человек, что шел туда, куда его несло ветром. Заключение снаружи кричали:

– Вытащить этого Быка на общие работы, пусть он попробует, как тяжело работать в лесу, да еще с таким нарывом!

Я вышел, захлопнул за собой дверь и направился прямо к техническому помощнику производственного отделения Фейерштейну, он был еврей. Я от гнева не смог сразу передать этому человеку, что произошло, у меня из глаз текли слезы. Когда меня сильно обижают, у меня всегда появляются слезы, это такая привычка с детских лет. Этот Фейерштейн был добродушный человек. Я сказал ему:

– С завтрашнего дня я больше не буду работать в амбулатории.

Он ответил:

– Успокойся, иди и работай, как работал. Мы знаем, кто такой Иоганнес и кто такой Бык.

Однако Бык не угомонился и всегда, когда только мог и знал, что что-то не в порядке, подстрекал против меня.

Тут мне пришла депеша-телеграмма: я должен был вместе с Быком отобрать 30 несколько ослабевших лесорубов и доставить их в Соликамск, в ОПП, т.е. дом отдыха – с тем, чтобы они, отдохнув, опять вернулись к нам, в наш лагпункт. Так мы провели этот отбор, но Бык, не считаясь с моим мнением, включил в список всех больных, дистрофиков, отказчиков от работы и истощенных. Я сказал:

– Товарищ Бык, ведь на отдых вызываются хорошие, но ослабшие рабочие, а не такие люди, которых надо отправлять в больницу.

Он ответил:

– Зачем мне эти люди, они все равно умрут.

Затем вызвали 30 человек и погрузили их на открытую платформу. Мой шеф В. Дивоков сказал мне:

– Иди, захвати с собой свой чемоданчик с медикаментами и сопроводи этих людей в Соликамск.

Он находился от нашего лагпункта примерно в 100 километрах.

Я взглянул на небо, где появились темные грозовые облака. Подумал: из этих людей некоторые умрут в пути, а я тогда окажусь виновником, и к моему лагерному сроку могут добавить еще несколько лет. Я сказал своему шефу:

– Я не буду сопровождать этих людей, так как они отобраны неправильно, и не возьму на себя такую ответственность.

Тогда этот Бык опять закричал:

– Смотрите, какой это упрямец!

Я сказал:

– Ты отобрал этих людей, так будь добр и сопроводи своих «хороших рабочих» сам!

Тут началось, на меня стали кричать по очереди: сначала воспитатель, потом начальник охраны Пушилин. Они кричали и хотели меня запугать, угрожая мне 10-дневным арестом в карцере. Я сказал, что это в их власти. Тут еще раз закричал главный начальник:

– Так ты поедешь или нет?

Я ответил: *нет*. Он сказал:

– Увести в карцер на 10 дней.

Так охранник отвел меня в карцер. Он находился вне зоны, был особо тщательно огорожен и снабжен отдельной охраной. Охрана открыла дверь, снабженную большим замком, и засунула меня в карцер. Дело шло уже к вечеру, в этом карцере стало темно, но распознать окружающее было можно. По обеим сторонам стен стояли многоэтажные нары, имелись также два вентиляционных отверстия и глазок на двери. В углу рядом с дверью стояли параша. В этой камере находились лишь несколько заключенных, это были сплошь отказчики от работы, они лежали на полу и под нарами, некоторые были мне хорошо знакомы. Я лег на одни из нар. Поздно вечером нам принесли ужин – 150 граммов хлеба и кружку воды. Когда, однако, стало совсем темно, я почувствовал, что меня кто-то кусает. После этих укусов появлялся зуд и приходилось чесаться, ты не находил покоя. Я спросил этих парней, лежавших под нарами:

– Кто это нас так кусает?

Они сказали:

– Это наши карцерные клопы, они очень злые, особенно на новичков, поступающих к нам. Поэтому мы лежим на полу, где прохладно, здесь эти проклятые клопы не такие злые.

Тут я разделся догола, связал и повесил свои тряпки. Теперь я мог защищаться лучше. О сне не было и речи. Так я до 5 часов утра бился с этими клопами.

Утром, когда снаружи уже немного рассвело, начальник охраны вызвал меня. Тут подошел второй «ангел», как заключенные называли одиночных охранников, и отвел меня в зону к Сукалову из тайной полиции, который трудился в 3-м отделе. Он около получаса допрашивал меня, вновь и вновь допытываясь, в каких отношениях я нахожусь с врачом Быком и как он относится ко мне. Когда я объяснил ему свое мнение и представление об этом Быке, он сказал:

– Иди назад в карцер, к разводу я дам приказ освободить тебя из карцера.

Действительно, утром пришел «ангел» и где-то в 6 часов доставил меня в зону.

Когда меня посадили, моих помощников заставили сопровождать больных в Соликамск за меня. Они отсутствовали 45 дней, пока, наконец, не вернулись. А мне пришлось всю ночь кормить клопов, но все же, думаю, я оказался в выигрыше.

Вскоре я пришел в контору к бухгалтеру, который сообщил мне, что к нам прибывает новый главврач, а Бык переводится отсюда в другой лагпункт. Действительно, к нам поступили новички, среди которых был и врач. Этот врач принял заведование больницей, а Быка вызвали на вахту для этапирования, и ему пришлось шагать через всю зону со своими тряпками на спине. Все мужики, дежурившие по баракам, вышли наружу, стуча ведрами, тазами и другой домашней утварью. В зоне поднялся шум, некоторые кричали ему вслед:

– Одним мучителем меньше!

Когда заключенных переводили из одного лагпункта в другой, должны были присутствовать медики. Стоя вместе с начальством, я посмотрел на Быка и сказал:

– Желаю Вам счастливого пути.

Он оглядел меня снизу доверху и ничего не ответил.

Новый врач Пашкевич был тоже еврей, прибыл из Москвы, но оказался совсем другим человеком – дружелюбным, короче говоря, очень хорошим. Мы работали с ним в согласии, поддерживая хорошие отношения. Этот Пашкевич не боялся начальства, а Бык был трус, он

мог загнать под землю всех заключенных, лишь бы сберечь свою шкуру и вести приятную жизнь.

В это время я получил пропуск, чтобы мог в любой момент выйти из зоны без охраны. Иногда по вечерам мне приходилось вести прием и у трудармеек – девушек и женщин. Приглашали меня и к больным в близлежащие села. Короче говоря, я был почти свободным человеком. К нам с фронта поступало все больше отказников от военной службы и разных других военных преступников. Эти фронтовики в своей униформе были сильными и дерзкими людьми. Один из них, по фамилии Сушков, тоже был высоким, стройным и сильным человеком. Он часто приходил ко мне в амбулаторию и просил освободить его от работы на пару дней. Однажды заключенных на работе пересчитали, и одного из них не хватило. Тут выяснилось, что исчез наш «командир», как мы звали его. Объявили тревогу по лагерю, взяли собак-ищеек, и всем охранникам пришлось отправиться в лес, чтобы разыскать этого Сушкова. Поздно ночью поисковики вернулись без результата. Сушков будто провалился сквозь землю. Прошло несколько дней, и на утренней поверке перед всеми заключенными объявили, что Сушков пойман и находится в тюрьме города Соликамска. Как выяснилось позже, это была ложь. Этим объявлением начальство хотело запугать заключенных, чтобы больше никто не попытался сбежать.

После этих лет, когда мне приходилось работать в амбулатории почти без отпуска и выходных, я сильно устал, и нервы стали сдавать. Поскольку у меня были очень хорошие отношения с главврачом и главным санитаром, я попросил их назначить меня на другую работу. При больнице была аптека, где работал заведующим некто Иванов.

У нас в столовой была сцена, где выступали наши «артисты», демонстрируя свое искусство. Так, однажды поздно вечером столовая была заполнена заключенными, и присутствовали также некоторые начальники. Вдруг на сцену вышел в нижнем белье заведующий аптекой Иванов и начал танцевать. Тут же был отдан приказ увести его и посадить на 10 дней в карцер. Как выяснилось, этот Иванов слишком глубоко заглянул в бутылку со спиртным и предстал пьяным перед начальством. На следующий день меня вызвали и написали приказ о моем освобождении от заведования амбулаторией и назначении заведующим аптекой.

Так я попал на эту легкую работу и избавился от тяжелой работы в амбулатории. У меня появилось свободное время и для прогулок вне зоны – к вольным, а также женщинам и девушкам, так называемым «трудармейкам». Однажды ко мне в аптеку в очень хорошем настроении пришел начальник охраны, его фамилия была Пушилин. Он спросил меня:

– Не смог бы ты узнать сбежавшего Сушкова, если мы тебе его покажем, ведь этот человек часто приходил к тебе на прием в амбулаторию?

– Думаю, что да, – ответил я.

Тогда он сказал:

– Поедешь завтра утром с моим помощником Зайцевым в Палеву, чтобы установить, Сушков ли этот беглец или нет.

Тут не откажешься, приказ есть приказ. На следующее утро мы проехали от нашего лагеря где-то 30 километров, почти до Котомыша. Там, в маленькой русской деревеньке, мы заночевали у тещи моего сопровождающего.

Наутро отправились в Котомыш, там нас встретили. Присутствовали несколько мужчин с лопатами и одна женщина. Мы прошли дальше по дороге километра полтора, и, наконец, один из этих мужчин сказал, что здесь, недалеко от дороги, под елочкой лежит труп. Я поглядел на тело: глаза уже выклевали птицы, уши были обгрызены – наверно, мышами. Он был одет в гражданское, его униформы на нем больше не было. Мой сопровождающий спросил женщину:

– Узнаешь одежду, которая на этом человеке?

Женщина сказала:

– Да, это была одежда моего мужа.

Ее муж погиб на фронте. Эта женщина жила в самом конце деревни, совсем одна. Как оказалось, Сушков, подбравшись близко к деревне, наблюдал за женщиной, и когда она покинула дом и пошла на работу, а в жилище никого не осталось, он среди бела дня прокрался в этот двор. Зашел в дом, переоделся у этой женщины в гражданскую одежду, а свою военную униформу зарыл в погребе под картошкой. Он взял с собой и полотенце, которое было у него на шее, когда мы его нашли. У него было при себе мыло, и, конечно, он запасся и продуктами. Поскольку он изголодался, то, наверно, съел сразу очень много – у него при себе было еще изрядно коровьего масла и других продуктов. Тут он сразу заболел, и поскольку было уже довольно холодно (дело было в октябре), улегся под этой елочкой и умер. Потом выпало много снега, и он пролежал под ним до весны. Когда снег стаял, его и обнаружили.

Мужчины, бывшие с нами, уже выкопали лопатами рядом с этой елочкой могилу, мы положили его туда и зарыли. Затем был составлен акт, под которым подписались мы все, что побег заключенного Сушкова закончился. Я стоял и думал: ведь у этого молодого человека тоже наверняка есть жена и дети, ждущие его возвращения. Это была настоящая могила неизвестного солдата. После войны заключенные, в основном блатные, часто убегали и скрывались. Однако большинство ловили и либо пристреливали, либо обнаруживали с помощью ищек и возвращали в лагерь изувеченными.

Наш студент Р. Рейс, подписавший обвинение против меня, получил лишь 5 лет лишения свободы. Однако через 5 лет его не выпустили, ему пришлось, как и мне, отсидеть 10 лет. В 1946 г. стали все чаще выпускать заключенных, отсидевших свой срок, некоторых даже несколькими месяцами раньше. У меня появлялось все больше надежды, что и я еще когда-нибудь выберусь из этой ссылки.

Начало моей семейной жизни

В 1946 г. мне уже был 31 год, и я отсидел 8 из 10 моих лет. Я уже был почти свободен, т.к. мог выйти из этой проклятой зоны в любое время. Рядом с нашей зоной, как я уже упоминал выше, находились женщины и девушки, так называемые трудармейки. Я все чаще приходил к этим женщинам в их бараки, где познакомился со своей нынешней женой – Идой Брейер. Имея возможность, выходил каждый вечер, а если не было возможности, то у нас двоих имелся собственный почтальон – Кнауц, доставлявший нам письма. Однако наша дружба была все же очень секретной и опасной.

У ворот, через которые я должен был проходить, стоял очень хороший охранник, который тоже знал, почему я так часто оставался вне зоны до ночи. Однажды мне не повезло – когда я часов в 12 ночи вернулся в зону и проходил через вахту, там как раз находился начальник охраны. Я очень быстро и робко прошел через вахту и думал, что уже миновал ее, но шеф крикнул:

– Назад! Ты что, не знаешь, что все заключенные должны с 20 часов находиться в зоне?!

Я сказал, что знаю.

– Ну, – спросил начальник, – и где же ты был так долго?

Я сказал, что ходил покупать молоко. Тогда он заорал на меня. Наконец, он сказал:

– Тут же исчезни в своей аптеке!

Я часто находился вне зоны несколько часов, охранник Катаулин знал мою тайну. Наша дружба с Идой все более крепла – думаю, тут была уже и любовь.

Мы подготовили себе и кусок земли, где посадили для нас на зиму картошки. Участок

приходилось готовить с трудом, нужно было вытащить из земли пни и корни. Картошка на этом клочке земли росла очень хорошо. Она как раз стояла в цвету, когда заморозки побили нашу картошку, так что урожай у нас оказался очень плохим. Мы также достали осенью бочку и заквасили себе изрядное количество капусты. Когда мы квасили капусту, то оба не жалели соли, т.к. хотели сделать наше дело хорошо. Однако ни я, ни Ида не знали, сколько нам нужно ее использовать. Эта бочка с капустой стояла у моего шефа – вольнонаемного Дивокова, и нам пришлось все это проделать тоже в глубокой тайне. На праздник мы достали приличную порцию уже квашеной капусты и хотели приготовить себе хороший обед – кажется, капусту с картофельным пюре. Прежде чем положить капусту в котелок, я попробовал, хорошо ли она уже заквасилась. Однако когда я положил капусту в рот, то оказалось, что она посолена настолько сильно, что мой язык одеревенел и из глаз покатились слезы. Ида тоже попробовала, но быстро выплюнула ее и сказала:

– Боже мой, эту капусту нельзя есть.

Ида спросила меня, зачем мы так сильно посолили эту капусту, и я сказал:

– Капуста посолена настолько крепко, насколько крепка наша любовь.

Ида, повредив себе руку, работала в конторе, в плановом отделе, где ее шефом был тоже заключенный, еврей Цукерман. С Идой на общих работах произошел несчастный случай, и она сломала себе 4 пальца левой руки. Здесь можно было бы без конца писать и писать, как нам приходилось втайне, всегда с большими сложностями и опасностями пробиваться к цели. Так подошел последний год заключения – 1948-й. Я, насколько это было возможно, подготовился к своему освобождению. Однако последний год стал для меня из всех 10 лет самым длинным, теперь я считал не только месяцы и дни, но и часы.

Тут встал большой вопрос: как сделать так, чтобы вместе со мной из этого лагеря смогла выйти и моя горячо любимая Ида? Девушек-трудармеек в 1948 г. еще не отпускали. Однако я находился в очень хороших отношениях со своим начальником, врачом Пашкевичем. Я подготовил этого Пашкевича, изложив ему проблему с моей возлюбленной, чтобы они с главврачом Луцаем, когда тот вновь приедет, активировали мою Иду через комиссию и представили этот акт в главное управление лагеря. Действительно, через некоторое время Луцай прибыл к нам из Соликамска, чтобы проверить нашу работу в аптеке и больнице. Тут я подумал: мне надо быть начеку и подготовить этого человека, чтобы у него было хорошее настроение, когда мы дойдем до моей проблемы. Мы приготовили хороший обед, и я, заведующий аптекой, присутствовал на нем, как всегда бывало в таких случаях. Мой этиловый спирт (Spiritus vini) должен был помочь еще несколько улучшить настроение этого Луцай.

Когда Луцай достиг должной кондиции, мой шеф Пашкевич сказал:

– Позови свою возлюбленную Иду сюда в зону, к нам в больницу, пропустим-ка ее через комиссию.

Я быстро побежал, позвал ее, и они подготовили письмо для освобождения. Это письмо было отправлено в Соликамск на утверждение начальства.

Однако все было тихо. Срок моего заключения все более приближался к концу, и, казалось, тем медленней тянется время. Я часто видел во сне мою бедную мать, как мы обнимали друг друга и как она плакала.

Когда я учился в Саратове, у меня тоже была возлюбленная – Мария Бауэр, также студентка нашего института. Эта Бауэр переписывалась с моей матерью и знала, что срок моего заключения скоро закончится. Поэтому она написала мне, чтобы я после освобождения приехал к ней. Почту для нас и трудармейцев приносила девушка, тоже из трудармии. Так это письмо попало в руки моей возлюбленной Иды. Прочитав его, она была совершенно шокирована. Однако я знал из писем моей матери, что Бауэр была замужем за русским и имела с ним ребенка. Этот русский попал на фронт и там погиб. Теперь Бауэр думала, что я

после освобождения поеду к ней и начну новую семейную жизнь.

Я написал ей в ответ очень грубое письмо. Я писал, что «поезд давно ушел» и о моем приезде к ней после освобождения не может быть и речи. Это письмо я отдал своей Иде, чтобы она его прочла и сама сбросила в почтовый ящик. Так что после этого письма с Бауэр, пока я еще находился в лагере, было покончено. Шло время, и наши отношения с Идой становились все нежнее, мы находились в согласии друг с другом. Мы оба были влюблены, как говорят, по уши. Мы поклялись и пообещали друг другу, что покинем лагерь вместе, как муж и жена.

13 марта 1948 г. меня вызвали и сообщили о моем освобождении из этого незабываемого проклятого лагеря. Я всю ночь не мог уснуть, перед моими глазами вновь и вновь предстала моя любимая покинутая мать. Вечером, придя к своей возлюбленной, я сообщил ей, что меня освобождают и завтра я еду в Соликамск, чтобы получить свои бумаги свободного гражданина. Тут она начала плакать и сказала:

– Ты сейчас уедешь и больше не вернешься.

Я, как только мог, успокоил ее. Затем я сходил в зону, отнес все свои вещи к ней в барак и сказал:

– Не бойся, пожалуйста, я обязательно вернусь.

Я поехал в Соликамск с еще несколькими заключенными, которые тоже освобождались. Меня встретили очень вежливо, и все называли меня не заключенным, а товарищем.

Когда мне подготовили бумаги для моего освобождения, меня спросили, куда я хочу поехать после этого. Я сказал:

– Хочу к своей матери.

Тогда мне задали вопрос:

– А где она проживает?

– В Казахстане, Талды-Курганская область, – ответил я.

Они взглянули на карту и сказали:

– Это пограничная зона, туда мы определенным политзаключенным бумаг не даем.

Тут я ответил:

– У меня во всей стране нет больше родственников, к которым я мог бы поехать.

– Возвращайся в барак и подумай, куда ты хочешь ехать, – сказали мне.

Я в очень плохом настроении вернулся в барак, где ждали своих бумаг еще некоторые заключенные. Тут я спросил одного человека из Алтайского края:

– Куда ты хочешь ехать?

– Я еду в Алтайский край, – ответил он.

Я сказал:

– Я хотел в Талды-Курганскую область, но меня не пускают, потому что там погранзона.

Этот человек предложил:

– Тогда поехали со мной.

Так я и сделал: пошел назад в управление и велел подготовить мне бумаги до Алтайского края. Я получил свои бумаги, и мне еще дали денег на покупку билета. Я получил и паспорт для поездки, действительный в течение года. Затем меня вызвали в отдельную комнату, где прочитали длинную проповедь. Мне подсунули бумагу, на которой я должен был расписаться, что на свободе мне никому нельзя говорить ни слова о том, где я находился в лагере, и вообще о лагерном режиме.

Я вышел на улицу и побежал, как ошпаренная собака, оглядываясь во все стороны, чтобы убедиться, не следует ли за мной охрана. Я пошел на постоянный двор, где останавливались экспедиторы из нашего лагеря, когда приезжали в Соликамск из Мыси.

Здесь я сообщил, что приду сюда ночевать. Затем я вернулся в город и зашел в главное управление нашего Усольлага. Там я хотел узнать о бумагах для освобождения из трудармии моей возлюбленной.

Когда я туда пришел, у двери стоял охранник. Он попросил у меня разрешение на вход или пропуск. Я сказал, что этого у меня нет. Он ответил, что вход мне запрещен. Я попросил его, объяснил свою ситуацию и сказал, что мне нужно всего несколько минут. Он сказал:

– Проходи, но только быстро – до кабинета и назад.

Я пошел в кабинет, где за столами сидели несколько женщин. Спросил:

– Где мне узнать, как дела с бумагами Брейер Иды по освобождению из трудармии?

Одна из них сказала:

– Я посмотрю.

Затем она сообщила:

– Бумаги по освобождению Брейер Иды готовы, не хватает только подписи начальника лагеря. Начальник придет сегодня вечером, он на совещании, и если он подпишет, мы сегодня ночью дадим телеграмму в Мысью с приказом об освобождении.

Я поблагодарил за эту хорошую новость, быстро вернулся на постоянный двор, лег в кровать и уснул. На следующее утро я поехал назад в Мысью – сначала 50 км на машине, затем километров 20 пешком, одному через лес, до 3-го лагпункта.

На мое счастье, из Мысьи как раз прибыл мой знакомый, который сказал:

– Доставь назад в Мысью эту упряжку, я поеду дальше на машине.

Я согласился. Лег глубоко в сани и пустил бежать дикую лошадь, как ей хотелось. Когда я прибыл в Мысью (это были еще километров 12), то лошадь, черный мерин, была вся в мыле. Осмотрев ее, заведующий конным двором Сафронов поглядел на меня и спросил:

– Что же ты делал с этой лошастью?

– Ничего, просто пустил ее бежать, куда она хотела, – ответил я.

Затем я быстро убежал в барак, где жила моя Ида.

В конце этого барака жил бывший заключенный, еврей, по профессии зубной врач. Он предоставил свою комнату в мое распоряжение, пока я со своей женой не уеду навсегда, для начала – в Соликамск. Сюда мы принесли из бараклов наше имущество и жили здесь дней 10, пока не рассчитались и Ида. Это был для меня счастливый день – днем освободили меня, а ночью в Мысью пришла телеграмма, что моя невеста также освобождена. Когда я вернулся в Мысью и Ида сказала мне, что ее тоже освобождают из трудармии, мы обнялись и оба заплакали от радости. Эти два освобождения из этого дьявольского котла превратили те дни в самые счастливые в нашей жизни.

Прежде чем окончательно распрощаться с моими товарищами по несчастью, оставшимися в лагере, я зашел и к тому Иванову, у которого когда-то принял аптеку. Я рассказал ему, что бумаги, полученные мной в Соликамске, составлены не так, как мне хотелось: они не позволяют поехать в Казахстан, где проживает моя мать. Он спросил меня:

– В каком месте живет твоя мать?

– В Талды-Курганской области, – ответил я.

Тогда он сказал:

– Не будь таким дураком, езжай туда, где живет твоя мать, и пошли их всех к черту.

Этот Иванов настолько убедил меня, что я именно так и сделал: поехал напрямик в Казахстан к своей матери.

13 марта 1948 г. я и Ида Брейер выехали из Мысьи на санях с нашим скудным имуществом. Был теплый мартовский день, крупными хлопьями падал небольшой снег. Мы в санях очень тесно прижались друг к другу и поехали в радостном, счастливом настроении – на свободу!

Мои воспоминания с момента освобождения до выезда в Германию – это уже совсем

**НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ
ИЗ КНИГИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ»
Цитаты и термины**

Солженицын писал, что, по рассказам лагерников, лагеря под Красной Вишерой были устроены в 1929 г. и затем расплозились по округе, в результате чего возникли так называемые Соликамлаг, Севураллаг и лагерь в Березниках, где в то время строился большой химкомбинат. Каждый лагерь имел свои новообразования – небольшие острова. Существовали, например, лагпункты Усольлага и Ныроблага. В каждом лагере были свои Отдельные лагерные пункты (ОЛП), Головные лагерные пункты (ГОЛП), а затем уже так называемые «командировки». А самые первые лагеря были организованы на Соловецких островах, и затем коммунисты создали по всей стране так называемые исправительно-трудовые лагеря и колонии всех видов.

Миллионы километров колючей проволоки побежали, пересекаясь и переплетаясь. Охлупы уродливых лагерных вышек стали вернейшей чертой нашего пейзажа. Позже поднялись лагеря в Донбассе, на Волге, на среднем и южном Урале, в Закавказье, центральном Казахстане, Средней Азии, Сибири и на Дальнем Востоке.

Мне дали 10 лет по статье 58-10, и я отбыл их в так называемом Усольлаге, с 28 мая 1938 г. по 13 марта 1948 г.

Несколько слов об устройстве лагерей и лагерной жизни

В лагере имеется особое подразделение – БУР (т.е. Барак усиленного режима). Лагерная зона хорошо охранена: крепок забор и надежен предзонник и расставлены правильно вышки – каждое место просматривается и простреливается.

У блатных был и собственный лагерный жаргон, свои лозунги. Они говорили, к примеру: «Мы этого лесу не сажали и валить его не будем» или «Пусть медведь работает!» Иногда от них можно было услышать: «Скорей бы вечер, да завтра на работу!» Далее, они часто говорили: «Кто везет, того и погоняют». Или: «Дай Бог всё уметь, да не всё делать», «Ретивая лошадка недолго живет», «Господской работы не переделаешь», «Дадут ломоть, да заставят неделю молотить».

Из отношения к работе вытекает у зека и отношение к начальству. По видимости он очень послушен, боязлив, гнет спину, когда начальник его ругает или даже рядом стоит. На самом деле здесь простой расчет: избежать лишних наказаний. Лагерная песня гласит:

Будь проклята ты, Колыма!

Придумали ж, гады, планету!..

У зеков 3 цели: во-первых, *пайка*, затем *махорка* и *баланда*.

Способность ко сну – во сне срок быстрее идет, или ночь для сна, а день для отдыха. Если зеки поднимают бревно, они все идут к хлыстовому концу. У блатных есть закон: подохни ты сегодня, а я завтра. Затем у них еще имеется заповедь: не верь, не бойся, не проси.

Пожар в прямом смысле слова не волнует зека, он не держится за свое жилище, даже не старается потушить горящее здание и вместо этого уверен, что ему предоставят другое. Слово «сгореть» он употребляет только в значении личной неудачи. Если, например, у зека спросить, сколько он получил и отсидел, то ответит: получил три, отсидел пять и вышел

досрочно. Затем еще одна такая поговорка: кто не был – тот будет, кто был – не забудет. Блатные преуспевают только тогда, когда высасывают кровь, как паразиты, из нормальных людей.

По большей части у коменданта, бригадира, воспитателя и т.д. были так называемые доверенные люди, тоже из рядов зеков. Они били палками других зеков, которые в чем-то провинились. Например, на утренней поверке была традиция вызывать из строя «без последнего», здесь доставалось, прежде всего, отказчикам от работы.

Несколько слов о беглецах

Если беглец уходил и его обнаруживали собаки, то зека в назидание бросали собакам, которые по команде хватали человека за глотку, кусали его или просто сдирали с него одежду, пока он не оказывался совершенно голым. Еще можно написать табличку, это находится в ведении культурно-воспитательной части: «Я хотел бежать, но сторожевые собаки меня поймали». С этой табличкой, повешенной на шею, пойманного прогоняют по лагерю.

Если беглеца пристреливали при попытке к бегству, то труп клали перед зоной, у вахты, где он лежал несколько дней и на него вновь и вновь указывали и говорили:

– Глядите, такая участь ждет каждого, кто захочет убежать из зоны.

У кого есть шансы на выживание в лагере?

Архипелаг – это мир без дипломов, где аттестуются саморассказом. Зеку не положено иметь никаких документов, в том числе и об образовании. Приезжая на новый лагпункт, ты изобретаешь: за кого бы себя на этот раз выдать? В лагере выгодно быть фельдшером, парикмахером, баянистом, стекольщиком, автомехаником. Но горе тебе, если ты генетик или не дай Бог философ, если ты языковед или искусствовед – ты погиб! Ты дашь дубаря на общих работах через две недели.

Выше я описал случай, как ко мне в лагпункт прислали «врача» по фамилии Жуков и как выяснилось, что он обманщик. Врачей и фельдшеров не посылали на общие работы еще и потому, что они лечили и семьи начальников. Юристов, священников, поэтов и людей науки сгнаивали только на общих, в «придурках» им делать было нечего. Таков был порядок в лагере. Это была борьба за существование.

Палачи под руководством нашего батюшки Сталина устроили шабаш, вихрем пронесшийся по всей стране. В 1936-38 гг. почти все люди в России оказались политическими преступниками. Почти всем приписали разные статьи – например, закон гласил: 1) националистов и сепаратистов клеймили статьей 58-2, 2) агентов мировой буржуазии – 58-4, 3) прочих, опять же шпионов – 58-6, 4) диверсантов – 58-7, 5) террористов – 58-8, 6) вредителей – 58-9, 7) саботажников – 58-14, 8) недоносителей – 58-3.

Чтобы юридически обосновать эти обвинения, у следователей были разные методы, например – психологический контраст! После угрожающего, грубого и невежливого отношения к своей жертве следователь внезапно обращался с жертвой на допросе чрезвычайно любезно, но если не получал признания и подписи, то пластинка резко переворачивалась и следователь начинал угрожать: «У, гадина! Девять грамм в затылок!» Иногда применялось предварительное унижение – например, заключенных в ожидании допроса клали на несколько часов ничком в общем коридоре на пол с запретом поднимать голову, издавать звуки. Они лежали так, как молящиеся магометане, пока выводной не трогал их за плечо и не вел на допрос.

Использовался любой прием, приводящий подследственного в *смятение*. Если, например, следователем была женщина, то она обнажалась в несколько приемов, но все время продолжала допрос, ходила по комнате, подходила к жертве и добивалась уступить в показаниях. У подследственного мутился разум, и он подписывал. А грозить ей ничего не грозило: есть пистолет, звонок.

Запугивание: Не сознаетесь? Придется вам проехаться в Соловки. А кто сознается, тех выпускаем и т.д.

Ложь: Следователь сколько угодно может класть перед нами протоколы с подделанными подписями – и это только изящный следовательский прием.

Угрозы: Если он не подпишет, то пострадают члены его семьи. Используется даже ложь о том, что его жена уже сидит в другой камере и т.д. Это спекуляция на родственных чувствах.

Так можно было применять сотни разных методов и подлостей, чтобы насильно получить от заключенного эти подписи, лишь бы он подписал разные глупости.

Зачем нужно было держать в лагерях такую большую массу невинных людей?

Был ли вообще выгоден государству труд заключенных? Так, Молотов, например, заявил VI съезду Советов СССР следующее: «Мы делали это раньше, делаем теперь и будем делать впредь». Молотов сказал также: «Это выгодно для общества. Это полезно для преступников». Было очень выгодно держать такую армию – например, на строительстве великого Беломорканала. В лагере все создавалось, выражаясь на так называемом лагерном жаргоне, «пердячим паром», а не автомашинами.

Лагеря были неповторимо выгодны покорностью рабского труда и его дешевизной – нет, даже не дешевизной, а – бесплатностью, потому что за покупку античного раба все же платили деньги, за покупку же лагерника – никто не платил.

Даже на послевоенных лагерных совещаниях признавали индустриальные помещики: «з/к з/к сыграли большую роль в работе тыла, в победе». Но на мраморе над костями никто никогда не надпишет забытые их имена.

Моя жена рассказывала мне, как издевалось лагерное начальство над женщинами и девушками в трудармии. Им наголо обстригали волосы, их одевали как пугала, затем запрягали, и им приходилось вдвоем тянуть дышло и двоим подталкивать по сторонам. А начальники скакали рядом на лошадях и с кнутами, крича и ругаясь, что они идут так медленно. Такие караваны часто ездили по городу, горожане стояли, хохотали и говорили:

– Глядите – это фашисты!

В мужских лагерях для так называемых трудармейцев было совсем скверно, как мне рассказывали некоторые мужчины, вышедшие, к счастью, из этого дьявольского котла. Так, например, в Челябинск, где строился большой металлургический завод, осенью доставили 35000 человек, которые вынуждены были работать в таких условиях и получали настолько плохое питание, что к весне из этих 35000 осталось только 5-6 тысяч. Остальные умерли с голоду. Вообще в трудармейских лагерях было много, много хуже, чем у нас в лагере, куда посадили разных преступников. Что в действительности творилось в трудармейских лагерях, это должен был бы описать тот, кто там находился. Некоторые мужчины, находившиеся в трудармии, пытались что-то натворить или бежать, их ловили, они получали по суду 2-3 года заключения и поступали к нам, в исправительный лагерь, где у них было больше шансов выжить, чем в трудармейском лагере. По рассказам некоторых выживших трудармейцев, то, как умерщвляли немцев-мужчин тяжелым физическим трудом и совсем плохим питанием, –

это ужасная, неопишуемая история.

После окончания войны в лагерях во всех отношениях стало несколько полегче. Теперь уже лагерное начальство требовало, чтобы смертных случаев (Exitus) было поменьше. Так, активировались как непригодные совсем слабые мужчины – это были доходяги, дистрофики, которые не могли больше работать. Таких мужчин отпускали по домам. Однако многие из этих изголодавшихся слабых людей умирали на вокзалах и в вагонах по пути домой, их зарывали на чужбине, без родных и знакомых, или попросту выбрасывали. А ведь дома у каждого были жены, братья и сестры, дети, ждавшие своего отца. Так очень, очень многие немцы-мужчины остаются без вести пропавшими до сегодняшнего дня. То, что творили с немецким народом до войны, во время войны, да и после войны, вообще нельзя описать.

ПОСЛЕ МОЕГО ОСВОБОЖДЕНИЯ с 13 марта 1948 г. до 4 декабря 1990 г.

Как я уже писал, мы с моей невестой Идой выехали из Мысьи в Соликамск. Сначала прибыли в деревню Татарская, где находился постоянный двор, специально арендованный для наших лагпунктов. Мы оба по пути в Татарскую сильно замерзли, так что здешняя хозяйка приготовила нам чай, и нам пришлось по русскому обычаю лечь спать на русскую печь. На следующее утро поехали на машине дальше, на вокзал города Соликамска.

Хотя мои бумаги были сделаны для Алтайского края, я заказал себе билет в Казахстан, до станции Уш-Тобе. Когда мы сидели на этом вокзале и ждали поезда, сюда доставили пленных немцев в униформе германского Вермахта. Милиционер на несколько минут оставил этих двух мужчин одних. Я подсел к ним и побеседовал с ними, пока не было милиционера. Как оказалось, этих двух военнопленных везли на целлюлозно-бумажный комбинат. Они были по профессии специалистами по производству бумаги. Когда мы с ними беседовали, и они услышали, что я еще очень хорошо владею немецким языком, то сильно удивились. Они спросили меня, как долго я уже нахожусь в России. Я ответил, что мои предки эмигрировали в Россию из Германии в 1764 г. Тогда они сказали:

– И Вы до сих пор еще владеете немецким языком!

Тут пришел милиционер и позвал их с собой. Я попрощался с ними и пожелал им всего доброго.

Здесь то и дело ходили милиционеры, контролируя бумаги уезжающих. Для меня это было плохо – ведь мои бумаги были заготовлены для Алтая, а я уже имел билет в Казахстан. Страх заключенного все еще сидел во мне. Наш поезд, наконец, прибыл – конечно, как это водилось в России, с запозданием в несколько часов.

Мы сели в вагон и разыскали наши места. Тут я вспомнил одного из своих товарищей по лагерю, немца из Германии по имени Эрнст. Он был большой юморист. В последний вечер перед освобождением он попал на сцену, где его спросили:

– Эрнст, какой город в России ты любишь больше всех?

– Соликамск, – сказал он.

Тогда ему задали вопрос:

– А какая песня в России тебе понравилась больше всего?

Он ответил: «Прощай, мой любимый город Соликамск!»

Когда мы прибыли на следующую станцию, я глубоко вздохнул и сказал:

– Теперь мы свободные люди, можем поехать и пойти, куда только захотим, и нам не нужно бояться охраны.

Мне казалось странным, что отныне можно свободно передвигаться без охраны.

Так мы проехали с Северного Урала к юго-востоку, до города Новосибирска. Войдя в вокзальный зал ожидания, мы встретили такую массу людей, которую я еще не видел в жизни. Я записался в очередь на поезд, шедший на юг. Мне на руке написали номер – 387. Я спросил ожидающих, сколько они уже лежат здесь и ждут своего поезда. Некоторые говорили: 8 дней, другие – 10 дней. Тут мне опять не повезло: имея очень мало денег, я не мог так долго ждать. Я нашел женщину, которая стояла совсем близко к кассе и тоже хотела получить билет в Казахстан. Спросил ее, не может ли она взять два билета и для нас. Она согласилась. Я дал ей деньги и два наших билета – она должна была только закомпостировать билеты, полученные нами в Соликамске, чтобы пересесть на этот поезд. Когда эта женщина подошла к кассе, наши билеты не закомпостировали. Тут я подумал: что делать? Поезд прибыл, стоянка была 15 минут. Мой билет можно было закомпостировать в любой кассе, т.к. у меня были бумаги, что я – освобожденный заключенный. Но тем, кого отпустили из трудармии, было не так просто. Я взял билет моей невесты, подложил его под свой, пошел в воинскую кассу и подал их пожилой женщине. Та, увидев, что я освобожден из заключения, не стала долго смотреть и закомпостировала оба наших билета.

Мы быстро забежали в камеру хранения и достали оттуда наш багаж, а поезд уже свистел к отходу. Он медленно двинулся, но мы все-таки еще заскочили в вагон. Когда мы в поисках наших мест прошли по поезду, нас поразило, что вагоны были почти пусты. Тут нам стало ясно, что все это делалось умышленно. Они передавали, что свободных мест нет, и продавали в день билетов по 50, чтобы получить взятку. И люди не могли этому противодействовать, лежали неделями, а вагоны ездили взад-вперед пустыми. Так мы поехали навстречу незнакомому Казахстану.

Мы прибыли на станцию Уш-Тобе, и я спросил, как далеко до города Карабулак. Ответ гласил: 60 км. Я истратил свои последние деньги на телеграмму моему брату Якову. В телеграмме было написано, чтобы он нам помог или забрал нас к себе. Через 24 часа мы перестали ждать ответа и задумались: что делать теперь без денег и без еды? (Позже мы узнали, что моего брата не было дома, он находился на семинаре в городе Талды-Курган.) Ида сказала:

– Давай пойдем пешком, может, нас кто-нибудь захватит с собой до Карабулака.

Мы сдали наш багаж в камеру хранения, оставили себе только чистое белье, чтобы переодеться, когда мы придем к моему брату. Вышли из города в направлении Талды-Кургана, хотели остановить машину, но тщетно – ни одна не останавливалась. Несколькими часами позже один остановился и сразу спросил:

– Сколько денег дашь до Талды-Кургана?

Я сказал, что у нас нет денег, он не ответил ни слова и уехал.

Нас медленно догнала женщина-корейка. Я спросил, сколько берут шоферы до Талды-Кургана. Она ответила:

– По 25 рублей с человека.

Мы поговорили, я рассказал ей, откуда мы следуем и куда хотим, не имея ни копейки денег. Я добавил:

– У меня здесь есть пара нового белья, может, оно пригодится Вашему мужу?

Она сказала:

– Мне это белье не особенно нужно, но раз вы оказались в таком положении, я все же возьму его за 50 рублей.

Мы, наконец, остановили грузовик, и он взял нас до Талды-Кургана. Перед городом он остановился и высадил нас. Тут мы опять встали: денег нет, продать нечего. Ничего не оставалось, как продолжить наш путь пешком.

Я спросил мужчину, как далеко от Талды-Кургана до Карабулака. Ответ гласил: где-то 15 км. Было уже часов 5 дня. Когда мы оставили позади километров 10, у нас на подошвах

появились от ходьбы пузыри. Мы разулись и пошли босиком. Было еще довольно холодно, мы перед Карабулаком надели свою обувь и прибыли туда в темноте. Нашли улицу Колхозную и спросили школьников, еще игравших на улице в футбол, не знают ли они, где живет учительница Ольга Петровна Иоганнес. Один мальчик сказал:

– Она живет вон в том домике, где горит свет.

Когда мы подошли к этому домику, я увидел на подоконнике наш самовар, который привезли с собой мои родители, когда в 1913 г. вернулись из Америки в Россию. Увидев самовар, я обрадовался и подумал, что мы попали в нужное место.

Я постучал в дверь, вышла моя мать и со слезами бросилась мне на шею. Она сказала:

– Входи!

Я ответил, что не один, что нас двое. Ида стояла в стороне в темноте, она постеснялась зайти со мной. Тут мать пригласила в прихожую нас обоих. Она нажарила нам большую сковороду картошки и приготовила чая. Жена моего брата не встала с кровати, на которой лежала в соседней комнате. Мы очень устали и проговорили друг с другом недолго, легли спать. На следующее утро, в воскресенье, мы сходили на базар и кое-что закупили. Лишь в понедельник утром мой брат Яков сказал мне, что наш брат Теодор уже два месяца назад освобожден после своего 10-летнего заключения и работает бухгалтером в медпункте у вокзала, где и живет.

Мы оба, Ида и я, пошли к нему в этот медпункт. Когда мы вошли в его кабинет, он выскочил из-за стола и обнял меня, а также Иду. Он был настолько рад, что заплакал. Затем мы пошли в его жилую комнату. Тут он рассказал, как живет Яков со своей русской женой. Мы с Идой заметили, что у Якова в браке что-то не в порядке. Когда Теодор вернулся из лагеря, куда ему было идти? К матери и брату. Он пожил у брата несколько дней, и тут уже жена заявила Якову, что не намерена кормить всех бывших заключенных. Яков очень грубо с ней поговорил, по-всякому обозвал на русском и послал ее туда, откуда она появилась на свет. На следующий день Теодор получил работу на этом медпункте, собрал свои вещи и съехал. О нас он сказал:

– Там вам оставаться нельзя.

И добавил:

– Приходите ко мне, у меня вы можете чувствовать себя как дома. Пусть Ида нам варит и поддерживает порядок в нашей комнате, а мы будем заниматься своими делами. Жена Якова очень грубо обращается с нашей матерью, я заберу мать к себе.

На следующий день мы с Теодором пошли в милицию, чтобы меня прописать и поставить на учет. Войдя в кабинет, я увидел за большим столом, покрытым зеленым сукном, разожравшегося, рыжеволосого, небритого русского. Я показал ему свои бумаги и паспорт, он оглядел их, а потом и меня с головы до ног и затем закричал:

– Ты должен в 24 часа исчезнуть из Талды-Курганской области!

Потом он добавил, что Карабулак находится в пограничной зоне и политическим преступникам здесь жить не разрешено. Я вышел на улицу, где меня ждал мой брат, совершенно шокированный и думал: что же делать теперь – без денег, без жилья, без работы? Я был в полном отчаянии.

Мой брат спросил меня:

– Что случилось? Давай сядем на уличную скамейку и все обсудим.

Я рассказал ему обо всем. Тут мой брат сказал:

– Пойдем-ка в комендатуру, где стоят на учете все немцы в районе.

Мы нашли это здание, и я вошел совершенно убитый. Помощник коменданта был на месте. Я показал ему свои бумаги и паспорт. Он посмотрел на меня и спросил, откуда я прибыл, к каким родственникам приехал и т.д.

Я ответил на все его вопросы и сообщил, что начальник милиции дал мне 24 часа

срока, чтобы исчезнуть из этой области. Тогда он сказал мне:

– Тебе нечего делать в милиции, ты – наш человек.

Комендант Ефремов был фронтовым инвалидом с поврежденной нижней челюстью. Он сказал:

– Если твои мать и братья живут здесь, то можешь жить и ты.

Затем он спросил меня, кто я по профессии. Я сказал, что медик. Он взял бумагу и написал красным карандашом записку заведующему районным отделом здравоохранения товарищу Полтавцу. Записка гласила: «Тов. Полтавец! Прошу Вас обеспечить рабочее место Иоганнесу Эммануилу. Если нет свободных мест, смените кого-нибудь и предоставьте ему работу».

На следующий день я разыскал райздрав, представился и отдал записку этого коменданта. Заведующий Полтавец отсутствовал, он был уполномоченным в одном колхозе на время весеннего сева. Его помощник Орлов сказал:

– Он будет через 2 недели, у нас есть два места, где требуется медик. Одно место – в колхозе им. Тельмана, второе – в селе Утенай, где мы хотим организовать новый медпункт. В колхозе Тельмана надо работать за трудодни, и он находится в погранзоне, а Утенай – вне погранзоны, и там за работу получают деньги.

Я попросил написать мне направление в Утенай, заведующим вновь организуемой амбулаторией. Однако это направление должен был подписать заведующий райздравом. Так что мне пришлось прождать 2 недели, пока этот Полтавец вернулся из колхоза.

Мой брат Теодор получил землю, мы с Идой перекопали ее лопатой и засадили картошкой, кукурузой, фасолью и другими овощами. Так я и Ида пробыли у брата еще 3 недели. Когда Полтавец вернулся, он еще раз расспросил меня: где я учился, где работал в последнее время и т.д. Затем он подписал приказ, что я направляюсь заведующим вновь организуемым медицинским пунктом в село Утенай.

К этому времени я уже привез свое имущество из камеры хранения в Уш-Тобе. 25 апреля 1948 г. я с этим приказом в кармане поехал в Утенай. Представился в сельсовете типичной казашке, которая почти ни слова не говорила по-русски. Я показал ей записку от заведующего райздравом. Она оглядела меня с головы до ног и сказала:

– Жилья у нас нет, и помещения для медпункта тоже нет.

Она добавила:

– Здесь короткое время работала еврейка, она вела прием у себя на дому.

Тут я опять оказался ни с чем – без жилья, без помещения для амбулатории и вообще без ничего. Она сказала: мол, приезжайте с Вашей женой, мы для жилья что-нибудь найдем и т.д.

Затем я направился в Крупский к моему главврачу Мурадову и представился этому чеченцу, его помощником был русский – Шестаков. Эти люди приветствовали меня и сказали:

– Если ты приедешь к нам и будешь обслуживать эти 5 сел, то это была бы для нас большая подмога.

Настал вечер, но где переночевать? Я пошел по улице и спросил, где здесь живут немецкие семьи. На 4-й улице нашел семью, которая пустила меня на ночлег.

На следующее утро я пошел пешком на станцию Тендек (Кировск), чтобы доехать по железной дороге до Карабулака. Когда я подошел к кассе, чтобы купить билет, с меня потребовали паспорт. Женщина взглянула на паспорт, вернула его мне и сказала:

– Я не могу выдать Вам билет, потому что в Вашем паспорте нет штампа с номером 2.

Эта цифра 2 означала вторую пограничную зону. А поезд стоял только 10 минут, что делать? Из одного вагона вышел парень и побежал к киоску. Я подошел к нему, изложил свою проблему и сказал:

– Дай мне свой билет, а ты войдешь и так, тебя в вагоне уже знает проводник.

Он дал мне билет, и я доехал, как говорят, зайцем, да еще бесплатно до Карабулака. Куда ты ни приходил, всюду сталкивался со сложностями. Зачастую приходилось пробиваться тоже с помощью жульничества и обмана.

Вернувшись в Карабулак, я ни слова не сказал своей жене и брату о том, что там, в Утенае, нет жилья, а также помещения для медпункта.

Мой брат Теодор проводил нас на вокзал и сказал моей жене:

– Жаль, что ты уезжаешь, теперь у меня больше нет поварихи.

Ведь в то время брат еще не был женат. Выехать из погранзоны можно было без паспорта. Мы опять прибыли в Тендек, откуда пешком прогулялись со своими вещами до Утеная – это где-то 10 км. Я снова пошел к этой председательнице сельсовета и спросил, где можно найти временное жилье. Она послала своего секретаря Шумакали с нами в школу, где он показал нам комнатку в 12 квадратных метров. В этой школе было 2 таких комнатки, в одной уже жили двое учителей – Сергей и Екатерина Горбачевы.

– Вот, – сказал этот секретарь, – это ваша комната и ваша амбулатория.

Начало моей жизни и работы в селе Утенай с апреля 1948 г. по 1958 г.

Теперь мы стояли и оглядывали пустую комнатку – ни кровати, ни стола, ни единого стула, короче, совсем ничего. Мы присели на наш багаж и не знали, с чего нам начать. Первую ночь спали на полу. На следующий день я принес из классной комнаты столик, два стула и скамейку. Рано утром, когда мы еще спали, в дверь постучали. Мы открыли, там стояла женщина с кринкой молока и сухарями. Она извинилась за раннее вторжение и сказала:

– Возьмите, это вам на завтрак.

Это была полька – Островская. Я сказал своей жене:

– Как видно, в этом селе тоже есть хорошие люди.

На следующий день я прошел по улицам и осмотрел это небольшое казахское село. Здесь жили люди разных национальностей: большинство – казахи, были также китайцы, корейцы, татары, русские, узбеки, чеченцы и другие национальности, но мы с женой оказались единственными немцами. Как только жители узнали, что прибыл врач (они называли меня доктором), они стали приходить ко мне на прием. Вначале у меня были большие сложности с языком. Пришлые национальности немного знали по-русски, но казахи русского не знали, а я не имел понятия о казахском языке. Сначала я всегда приглашал школьников, помогавших мне в роли переводчиков. Я быстро выучил слова, необходимые мне в медицине, и тогда работа пошла уже совсем хорошо. Я привез с собой несколько халатов и медицинские инструменты, которые были мне очень нужны.

У нас не было денег, не было продуктов, мы были совсем бедные. Я ходил пешком из Утеная к своему брату в Карабулак, километров за 20, и приносил продукты оттуда. Свою жену я тоже устроил по приказу – как мою помощницу-медсестру и уборщицу. Нам установили зарплату: мне, как заведующему, – 600 рублей, а моей жене – 300. Два месяца мы работали без зарплаты. К нашему счастью, моя жена привезла из трудармии довольно много материи. В последнее время трудармейцы часто получали за хорошую работу несколько метров ткани. На эту ткань мы иногда выменивали для себя разные продукты. Варили мы на улице, составив три саманных кирпича, на которых готовили себе еду. Эту примитивную «печку» мы топили сухим коровьим навозом. О дровах или угле после войны не было и речи. Зимой мне приходилось возить на санках за несколько километров стебли сорняков, солому,

камыш и т.д., чтобы немного протопить жилище.

В середине мая колхозы раздали по 0,25 га земли за селом тем, у кого не было приусадебных участков. Получил землю и я. Тут нам пришлось думать, чем эту землю засадить. Мы снова сменяли белье на картошку, кукурузу и другие семена и засадили всю эту площадь.

Наш председатель колхоза Абдурахман Балдабаев построил себе новый дом, а старый продал сельсовету. В этом доме было 2 комнаты и посредине – коридор. Сельсовет дал одну комнату мне, а другую – секретарю сельсовета. В этой комнате мы жили, а также принимали больных. Большинство больных я обслуживал на дому. У окна я приладил доску, это был наш стол. Затем я попросил у одного китайца на несколько часов его лошадь, купил себе в Карабулаке железную кровать и доставил ее домой. Так мы становились все «богаче» и «богаче». Короче говоря, приживались. При всех этих сложностях и трудных условиях самое важное состояло в том, что у нас было хорошее взаимопонимание, и мы всегда надеялись на лучшее будущее. Мы оба были здоровы, сильны и очень рады, что самые трудные годы нашей депортации остались позади.

Здесь я еще должен упомянуть и немного описать самый счастливый день в своей жизни – 19 сентября 1948 г. В это воскресное утро у моей жены начались родовые схватки. Тут передо мной опять встала проблема – не было транспорта, чтобы отвезти жену в ближайший роддом. Тогда я договорился с возчиком, который должен был доставить на государственный приемный пункт в Тендеке кукурузу. С этим человеком мы с женой поехали в Тендек, там мою жену положили в роддом. Я пошел на базар и купил жене кое-какие продукты. Через некоторое время я вернулся и спросил, как дела у жены. Мне сказали, что она благополучно родила девочку. Я подошел к окну, где мне показали мою дочурку. Она была прелестным милым ребенком, и мне казалось, что это самый красивый ребенок на свете. Я, как отец, чувствовал себя очень счастливым и казался себе самым богатым человеком в мире.

Я пошел домой и подготовился встретить свою жену с ребенком. Смастерил колыбель, которую смог прикрепить к потолку перед нашей кроватью. 27 сентября 1948 г. я доставил жену с ребенком домой. Теперь мы в этой маленькой комнатке жили уже семьей из трех человек. Настала осень, мы убрали наш огород. Урожай выдался хороший – много картошки, кукурузы и других овощей. Купили себе у одного корейца и свинью за 600 рублей. Теперь мы были обеспечены на зиму уже почти всем.

В феврале на телеге, запряженной быком, ко мне в Утенай приехали из Карабулака со всеми вещами мой брат Теодор и мать. Я спросил брата, что случилось. Он сказал:

– Меня уволили с работы, и мне пришлось в 24 часа покинуть Карабулак.

Со своим багажом они привезли и корову с бычком. Мы внесли весь багаж в нашу и без того уже переполненную маленькую комнату. Так мы в этой комнатке провели впятером почти месяц.

Я услышал от одного коллеги, что в соседнем селе Сталинск покончил с собой бухгалтер – повесился в саду на яблоне. Я со своим братом пошел в Сталинск, мы разыскали организацию, где работал этот бухгалтер, и спросили начальника, не нужен ли им бухгалтер. Начальник ответил:

– Я уже долго ищу и не могу найти бухгалтера.

Затем он сказал брату:

– Приходи к нам и, пожалуйста, принимай эту работу, у меня есть и квартира.

Так мои брат и мать весной 1949 г. переселились в Сталинск. В это же время мой брат женился на девушке, Герде Цильке из Карабулака. Она пришла к брату, получив в приданое от своих родителей телку, и моя мать подарила мне свою корову.

Я должен был обслуживать 5 сел – Утенай, Елтай, Джамбул, Талды-Арык, Енбек – и

одно подсобное хозяйство. Эти села находились от Утеная, где я жил, на расстоянии от 3 до 8 км. В мае 1949 г. опять раздавали землю на поле тем, кто не имел земли при своих домах. Я вновь попросил земли у председателя колхоза, а он сказал мне:

– Ты обслуживаешь 5 колхозов, так пусть в этом году тебе даст землю другой колхоз.

Тогда я пошел в соседнее село и попросил земли там. Мне сказали:

– Приходи к нам завтра, мы отмеряем землю учителям и отмерим 0,25 га и тебе.

Когда я на следующий день пришел в Джамбул, мы пошли на поле и мне отмерили не 0,25, а 0,3 га. Мы с женой пошли и засеяли 0,3 га кукурузой.

Тут через пару дней ночью пришла жена председателя колхоза в Утенае и попросила меня пойти к ним – ее муж, т.е. председатель, сильно заболел. Я пошел к нему и увидел, как он ходит по комнате взад-вперед, придерживая рукой свою нижнюю челюсть. Я спросил, что случилось. Он ответил:

– У меня дьявольские зубные боли.

Я осмотрел этот зуб и сказал:

– Тут Вам нужно к зубному врачу в город Талды-Курган.

Он сказал:

– Я не смогу терпеть до следующего утра. Делай со мной, что хочешь, чтобы хоть немного снять эту боль.

Я пошел домой, приготовил свои зубоврачебные инструменты, вернулся к нему и вытащил этот злосчастный зуб. Когда зуба не стало, прекратились и боли. На следующий день я проходил мимо кабинета председателя, этот Балдабаев увидел меня и крикнул вслед:

– Филиппыч, заходи ко мне!

Я вошел в кабинет, и он спросил меня:

– Ты уже получил землю?

Я говорю:

– Ты ведь мне отказал.

Он сказал:

– Иди к счетоводу Абдулу Рассуханову, пусть он отмерит тебе 0,25 га.

Этот Рассуханов тоже отмерил мне 0,3 вместо 0,25 га. Теперь у меня было уже 0,6 га. В это лето было очень много дождей и сорняки росли очень быстро, так что мы едва успевали содержать в чистоте 2 участка.

В августе 1949 г. умерла одинокая женщина, ее дом передали сельсовету. Затем они отдали этот дом мне. Здесь я уже оборудовал комнату для амбулатории с отдельным входом, а другую половину с коридором и комнатой отвел под жилье. У этого дома не было ни пристроек, ни сарая – ничего. Я выкопал для коровы подземный хлев. 18 апреля 1950 г. наша семья увеличилась, моя жена родила второго ребенка. Это была еще одна девочка. Теперь нас в этой маленькой комнатке было 4 души. Я работал, а моя жена очень много мне помогала. Затем, 3 июня 1953 г., жена родила двойню, и нас в этой комнатке стало уже 6 человек.

В 1951 г. 4 колхоза объединили в один – имени Джамбула. Я в это время купил велосипед, на котором ездил от села к селу, обслуживая население. Тут правление предоставило в мое распоряжение лошаденку, которой не было еще двух лет. Ее я мог запрячь или поехать на ней верхом в любое время, я стал независимым человеком. Однако мне пришлось самому купить себе седло, телегу и сбрую.

Нас было теперь 6 членов семьи, и моя мать часто приходила к нам помочь моей жене – жене было очень трудно с 4 детьми, да еще помогать мне в амбулатории. Теперь встал вопрос о большей квартире, но для этого мы еще не были достаточно состоятельны. К счастью, из райцентра приехала комиссия, чтобы проверить мое финансовое положение в амбулатории. Я получал лишь пару рублей от райздравицы, так что проверка продолжалась всего несколько минут. Моя жена приготовила хороший обед, а я еще до еды разлил немного

спирта. После обеда меня спросили, получила ли моя жена деньги за отпуск до и после родов. Мы ответили:

– Нет, мы вообще не знаем, что это за отпуск.

Тут глава комиссии сказал:

– Теперь действует новый закон, что все женщины получают по месяцу до и после родов определенную сумму.

Этот человек добавил:

– Приезжай завтра к нам в район со свидетельствами о рождении, и там мы все урегулируем.

Так я поехал в район, и мне выплатили за жену 1500 рублей.

На эти деньги мы купили себе у одного китайца дом с летней кухней, пристройками и большим огородом. Мой брат Теодор достал мне доски, так что я смог выложить пол в одной комнате досками. Это была первая комната с дощатым полом во всем селе. Казахи всегда выкладывали пол коврами. Я еще хорошо помню, как часто приходила к нам из Сталинска моя мать, чтобы помочь обмазать этот глинобитный дом. Мы ведь каждый день находились на работе и должны были еще содержать 4-х детей. Моей матери было тогда уже 67 лет, но она всегда ходила к нам пешком. Это было недалеко, расстояние от Утеная до Сталинска составляло всего 5 км. Так мы прожили в этом китайском доме с 1953 г. по 1958 г. Теперь мы уже имели корову, телку, свинью, гусей, уток, кур, даже собаку Рекса и кошку. Так мы постепенно обогащались и жили в то время не хуже других односельчан.

Теперь, поскольку колхозы в 1951 г. объединили и правление перевели в село Елтай, встал и вопрос о переносе в Елтай моего медицинского пункта. Но там опять не было помещения для моей амбулатории, а также жилья для меня, так что мне снова пришлось бы начать сначала. Тут ко мне пришел бывший парторг нашего колхоза Алтах Геншебай и предложил:

– Идем ко мне, я теперь работаю председателем в соседнем селе, дам тебе жилье и помещение для твоей амбулатории.

Узнав о моем намерении, наш председатель вызвал меня к себе и сказал:

– Ты останешься у меня, мы будем вместе работать дальше.

Затем он добавил:

– Мне тоже придется покинуть или продать мой дом в Утенае и, как тебе, переехать в Елтай. Мы получим для наших вновь прибывших 5 новых домов, я поставлю дом себе и позабочусь, чтобы и ты получил дом. Для твоей амбулатории мы тоже найдем помещение.

Тут поступили 5 сборных домов, и мне выделили один из них. Здесь, в Утенае, у меня была амбулатория, а в Елтае я выстроил себе собственный дом.

Здесь я должен также упомянуть о большой помощи, оказанной мне тремя дядьями моей жены – Фридрихом, Давидом и Александром, и горячо поблагодарить за нее. Эти 3 человека возвели нам дом за 4 дня – все, что нужно было сделать из дерева, но не работу по глине. В этой работе нам очень много помог Виктор, младший брат моей жены. Мы построили этот дом за 5 месяцев и въехали к Октябрьским праздникам, т.е. к 7 ноября.

Однако с помещением для амбулатории дело обстояло очень плохо. Мне, как цыгану, пришлось кочевать из одного помещения в другое. Лишь в 1963 г. сельсовет дал мне возможность и поддержал меня в финансовом плане при постройке нового дома, где я организовал свою амбулаторию. Она была расположена метрах в 300 от моего дома, на той же улице.

Так мы оба доработали до пенсионного возраста: я – до 60 лет, Ида – до 55, но продолжили трудиться: я – до 1987 г., а Ида – до 1983 г. Мы получали пенсию (я – с 1975 г., Ида – с 1980 г.), а также мой полный заработок.

В это время моя старшая дочь Нелли жила со своей семьей в столице Молдавии –

Кишиневе. Вторая дочь, Лилли, жила и работала бухгалтером в городе Талды-Кургане; там же жил и трудился мой сын Виктор. Моя младшая дочь Эльза в то время жила и работала в столице Казахстана – Алма-Ате.

В 80-е годы российские немцы получили возможность выезда в Германию, но это разрешалось только тем, у кого в Германии жили члены семьи, – так называемое воссоединение семей. Так, мой зять Брюк с моей дочерью Лилли и детьми выехали в Германию в августе 1989 г. Оказавшись здесь, в Германии, моя дочь подала заявления на выезд на меня и мою жену Иду, а также на моих детей с их семьями.

Судьбы членов моей семьи

Я бы хотел привести здесь только коротко историю моих кровных родственников, с указанием дат. Чтобы рассказать обо всем подробно и *изложить это на бумаге*, пришлось бы написать книгу толщиной с Библию.

16 марта 1960 г. ко мне в амбулаторию, где у меня как раз был прием, неожиданно пришел мой брат Теодор, положив мне на стол, не говоря ни слова, свидетельство о смерти. Он был совершенно убит и смотрел на меня так печально. Я прочел это свидетельство, где значилось: Теодор Иоганнес, причина смерти – последствие огнестрельного ранения. Как же так, ведь Теодор стоял передо мной! Тогда он сказал:

– Посмотри внимательно, что там написано.

Тут только я понял, что случилось. Имелся в виду его сын Теодор. Я закончил прием и поехал с ним в Кировск, в больницу, где в морге лежал этот мальчик. Мы доставили его домой. Мне рассказали, что он играл в комнате у их соседей с соседским мальчиком, ровесником сына моего брата. В углу за шкафом стояло заряженное ружье. Тот мальчик взял это ружье и застрелил в комнате моего племянника. Он думал, что ружье не заряжено. Хозяйка дома пошла в магазин, заперла обоих мальчиков, и когда она вернулась из магазина, мальчик лежал на полу в крови и был уже совсем холодным. Через 2 дня мы его похоронили. Я в своей жизни часто бывал на похоронах, но эти пережил очень тяжело, с большим состраданием и слезами. Это были первые похороны моего кровного родственника, на которых я присутствовал.

Моя мать жила у моего брата Теодора в селе Кировск. В конце ноября 1970 г. брат Теодор пришел ко мне и сказал:

– Идем к нам, наша мать больна.

Обследовав ее, я установил, что боли, которые у нее были, явились результатом несчастного случая – она упала во дворе несколько дней назад. Тут моя мать впервые пожаловалась мне, что в последнее время ее сноха Герда очень грубо обращается с ней. В последний год она очень редко разговаривала с моей матерью. Если, например, я долго не приходил к матери, та часто говорила:

– Почему не приходит Манель (Эммануил)?

Тогда Герда отвечала:

– Так идите к своему Манелю насовсем, Вы ведь всю жизнь носите с Вашим Манелем.

Я спросил мать:

– А что же говорит на все это Теодор?

Она ответила:

– Я ему еще не говорила об этом ни слова, не хочу, чтобы возникла семейная ссора.

Через несколько дней я опять пришел к своей матери и спросил, как дела со здоровьем и как с ней обращалась в последнее время сноха. Она сказала: «Я не могу здесь больше выдержать», и начала плакать. Я опять спросил:

– Почему Вы молчали об этом так долго и ничего не говорили Теодору?

Она ответила:

– Если бы я ему сказала, он бы ее обязательно избил.

Я больше не мог смотреть, как она плачет, пошел домой, взял машину и привез ее к нам.

Моя мать пробыла у нас больше месяца, и за это время у нее несколько раз были *тяжелые сердечные приступы*, так что мне приходилось делать ей уколы. *8 января 1971 г.* в 11 часов у матери начался очень сильный сердечный приступ, и она скончалась на моих руках от сердечной недостаточности на 84-м году жизни. Мы похоронили мать в Кировске, рядом с могилой моего племянника Теодора Иоганнеса. Тут мне пришлось участвовать в похоронах кровного родственника во второй раз. После этих похорон я несколько ночей не мог спать, мать все время стояла перед моими глазами. Я долго находился в глубокой депрессии и чувствовал себя совсем покинутым.

В сентябре 1983 г. мой брат Теодор захотел еще раз съездить к нашему брату Якову и ко мне. Он поехал по железной дороге со станции Палласовка в направлении Алма-Аты, Казахстан, это где-то 2500 км. Теодор прибыл в Алма-Ату, а оттуда к нашему брату Якову, который жил примерно в 60 км от Алма-Аты. Затем он вернулся в Алма-Ату и хотел выехать автобусом ко мне, это около 250 км и 6 часов езды. *18 сентября 1983 г.* в 18 часов он прибыл в наше село, сошел, отошел лишь метров на 300 от остановки и упал замертво на улице. Его обнаружили люди, установившие по документам, что это мой брат. Меня тотчас известили (я ничего не знал о его приезде, это должно было явиться сюрпризом). Причина его смерти была та же, что у моей матери, – сердечная недостаточность. Эта неожиданная смерть моего брата опять стала для меня тяжелым переживанием. Мы похоронили его на кладбище в селе Крупский. Я хотел похоронить его тоже на кладбище в Кировске, но это не разрешили, т.к. кладбище закрыли, и там никого больше нельзя было хоронить, а новое кладбище находилось очень далеко от Кировска.

Пять лет спустя, 8 сентября 1988 г., я получил от своего старшего брата Филиппа бандероль с хорошим содержательным письмом, где он писал, что здоров и дома у него все в порядке. Через 2 дня, т.е. 10 сентября, я получил срочное сообщение, что мой брат Филипп умер. Я был в полном замешательстве: всего 2 дня назад здоров, а теперь мертв. Я не мог понять, что там случилось. Он жил на Северном Кавказе, в городе Майкоп. Его жена рассказала мне, что она месяц гостила у своей старшей сестры. Она послала Филиппу телеграмму, что 10 сентября во столько-то времени прибудет на таком-то поезде и в таком-то вагоне на станцию Белореченская. Тогда мой брат поехал на электричке с букетом цветов на эту станцию, за 35 км. Поезд прибыл с опозданием на 2 часа, моя невестка вышла из вагона, пошла навстречу моему брату и сказала себе: «Смотри-ка, вот и мой старик». Мой брат тоже прошел несколько шагов навстречу, но вдруг закачался и упал замертво. Тут я должен еще добавить, что брат перенес за 2 года до своей смерти тяжелый инфаркт. Мой брат Филипп умер *10 сентября 1988 г.* в возрасте 79 лет от сердечной недостаточности, как моя мать и брат Теодор.

Теперь из нашей семьи в 7 душ остались только мы вдвоем с моим братом Яковым. Когда я однажды навестил брата Якова, и он не предложил мне сыграть с ним несколько партий в шахматы, это явилось для меня неожиданностью. Он ведь был страстным любителем шахматной игры. Он ходил по комнате взад-вперед, был совсем подавлен, угрюм и находился в депрессии. Я прослушал его сердце и установил, что у него была сильная аритмия. Кроме того, он жаловался на боли в области печени. Осмотрев его, я пришел к выводу, что моему последнему брату, оставшемуся в живых, тоже придется вскоре покинуть эту землю. Поскольку я совсем мало знал о его биографии, то подумал, что надо бы кое-что записать. Я попросил его, чтобы он рассказал мне, где учился, работал и т.д. и т.п. Я составил

себе конспект его биографии. (Когда я прибыл в Германию и захотел продолжить свои записки, то обнаружил, что конспект потерялся при выезде.) Через месяц я получил письмо от своей невестки, что Яков тяжело болен и лежит в больнице. Тогда я опять поехал к нему и навесил его в больнице. Я поговорил с врачами, которые основательно его обследовали. Было установлено, что он страдает раком печени. Я вернулся домой, а он попросил врачей выписать его через 2 недели. Однако я уже знал, что его дни сочтены. Через несколько дней я снова поехал к нему, он уже лежал дома, в своей комнатке, и был очень плох. Я попрощался с ним, и он сказал мне:

– У меня дело идет к концу, мой бензин вышел.

Поехав домой, я подумал, что это последнее свидание. *25 февраля 1989 г.* я получил телеграмму от своей невестки, что мой брат Яков умер.

Я опять поехал в Турган, где он жил. Мы похоронили его на многонациональном кладбище. Я стоял там, уже единственный из нашей семьи в 7 душ, и смотрел, как мужики зарывают его в казахскую землю. С тяжелым сердцем я поехал домой. Я подумал, что остался теперь в одиночестве в этом беспокойном несправедливом мире.

Вернувшись домой и немного успокоившись, я вспомнил, где, разбросанные по стране, похоронены члены нашей семьи. Мой племянник Теодор и мать лежат на кладбище в Кировске, мой брат Теодор – в Крупском, Филипп – в Майкопе, на Северном Кавказе, Яков – в Тургене, Казахстан. Так умерли все члены нашей семьи. Но где находятся могилы моего отца и младшего брата Генриха? Этого не ведал никто. Однако я хотел знать, где находятся места упокоения отца и Генриха.

Сначала я направил заявление в Саратовский облисполком, попросив, чтобы они сообщили мне о судьбе моего брата Генриха, арестованного 14 декабря 1936 г. в городе Бальцере и затем приговоренного в Энгельсе к 4-м годам. Через длительное время я получил ответ на свое письмо, где было сказано, что мой брат Генрих умер *30 июня 1938 г.* О том, чем он болел, по какой причине умер и где находится его могила, – ни слова, эти вопросы до сих пор остаются открытыми.

Когда моя мать жила еще дома на Волге, она получила от моего брата Генриха последнее письмо, где он просил мать, чтобы она как можно скорее прислала ему посылку с продуктами. Он был болен и лежал в больнице. Это письмо написал кто-то за него, т.к. почерк был не его – видимо, он был настолько слаб, что уже не мог писать сам. Мать быстро приготовила посылку и отослала ее ему. Примерно через 2 месяца посылка вернулась с пометкой на крышке, что получателя больше нет. По всему этому моя мать представила себе ситуацию и пришла к выводу, что наш дорогой Генрих умер, точнее говоря – умер с голоду и замучен до смерти. Когда я, уже в 1988 г., еще раз сделал запрос, чтобы узнать какие-то подробности о судьбе своего брата, и получил из Саратова ответ, что он умер, мне стало совершенно ясно: моего брата больше нет в живых.

Его последний адрес гласил: город Владивосток, больница СВИТЛ (Северо-Восточного исправительно-трудового лагеря) НКВД, Иоганнес Генрих Филиппович.

Теперь оставался еще открытым вопрос: где завершилась судьба нашего отца? Здесь я должен добавить, что мои братья Яков и Филипп были настолько запуганы и так боялись тайной полиции, что не направили официальным учреждениям никаких запросов о нашем отце и брате. Так мои братья и умерли, не написав также ни единого письма в США нашим родственникам Райфшнайдерам. Мой брат Теодор был в этом отношении смелым человеком. Я не хочу хвалить за это и выставять своего брата героем, но это было так.

Когда я еще находился второй год в лагере, то написал в Москву, в Главное управление всех лагерей, так называемый ГУЛАГ, и сделал запрос о моем отце: куда он подевался? Получив сообщение НКВД, я уже заподозрил, что здесь что-то не так. Это был *первый обман* по поводу судьбы моего отца. Позже мы часто беседовали с моим братом

Теодором, и вновь и вновь вставал вопрос: какова могла быть судьба нашего отца?

Так, мой брат рассказал мне, что встретил человека, который говорил ему, что сидел в тюрьме города Энгельса в одной камере с нашим отцом. Этот мужчина рассказывал, что однажды утром два надзирателя доставили отца в камеру. Однако отец не мог держаться на ногах. Ноги распухли, на лице и теле были синие кровоподтеки. Тут мне, а также моему брату пришла в голову мысль, что эти собаки, убийцы, преступники не отправили нашего отца из тюрьмы в лагерь, а уже там, в Энгельской тюрьме, сначала избili его до полусмерти, а затем пристрелили как скотину.

Через долгое время мы опять написали в Москву и попросили, чтобы нам все-таки сообщили о судьбе отца. Прошло еще несколько месяцев, пока моего брата не вызвали в райцентр, в милицию. Здесь брату снова сообщили, что нашего отца приговорили к 10 годам лишения свободы, и что он умер 1 декабря 1943 г. в лагере от сердечной недостаточности. Когда мой брат вернулся домой и сообщил мне об этом ответе, я сказал:

– Это *вторая грубая ложь* проклятых чекистов.

Мой брат хотел получить от них подтверждение, но они ответили:

– Мы таких бумаг не даем.

То, что там происходило в те годы – 36-м и 37-м, оставалось большим секретом вплоть до 80-х годов.

Теперь, уже в горбачевское время, пластинку сменили и крышку немного приоткрыли. Во всех областях страны создали комиссии и расследовали весь этот геноцидный период и геноцидные явления, реабилитировали и оправдали почти всех жертв 1936-38 гг. Тут я опять написал в Саратов, в Управление внутренних дел, и попросил, чтобы они, наконец, дали ответ на мои запросы о судьбе отца. Прошли еще месяцы, и, наконец, ко мне домой пришел капитан из районного отделения КГБ и спросил, писал ли я по поводу судьбы моего отца. Я ответил, что писал не однажды, а много раз. Тогда он сказал:

– Я пришел, чтобы сообщить тебе следующее. Твой отец был арестован 20 ноября 1937 г. в городе Энгельсе и приговорен к расстрелу. Этот приговор был приведен в исполнение 1 декабря. Твоего отца обвинили, что он вел агитацию против советского правительства и восхвалял капитализм.

В его обвинении, якобы, содержались и другие глупости. Я сказал:

– Дайте мне бумагу, что моего отца расстреляли.

Он ответил:

– Мы не можем и не должны выдавать таких бумаг.

Этот мужчина распрощался и ушел. Можно себе представить, что творилось после этого сообщения в моей старой черепной коробке. Более месяца я просыпался поздно ночью, и перед моими глазами стоял отец, как они его избивали и потом пристрелили. Через несколько месяцев я опять написал в Саратов, теперь уже в облисполком, еще раз попросив ответить мне на следующие вопросы:

1) Когда и где был расстрелян мой отец?

2) В чем состояло обвинение против него?

3) Где я могу найти его могилу, если она существует?

На это заявление я получил ответ от Саратовского облсуда:

«Дело обвиняемого Иоганнеса Филиппа Петровича, 1886 года рождения, было пересмотрено президиумом Саратовского областного суда 16 марта 1970 г. Постановление «тройки» НКВД АССР Немцев Поволжья от 30 ноября 1937 г. по делу Иоганнеса Филиппа Петровича отменено. Иоганнес Филипп Петрович по делу реабилитирован. На момент ареста Иоганнес Филипп Петрович работал столяром в больнице г. Энгельса».

Я не был удовлетворен этим ответом на мои 3 вопроса. Я опять написал в Управление внутренних дел Саратовской области и попросил, чтобы они все-таки дали мне конкретный

ответ на мои вопросы. 19 марта 1990 г. я, наконец, получил ответ, который гласил:

«Многоуважаемый товарищ Иоганнес!

Ваш отец, Иоганнес Филипп Петрович, родившийся в селе Кукукус, АССР НП, был арестован 20 ноября 1937 г. Перед арестом он работал столяром при больнице г. Энгельса. 30 ноября 1937 г. Ваш отец приговорен к расстрелу «тройкой» за антисоветскую агитацию и подготовку к свержению советской власти, а также за восхваление фашизма. Этот приговор был приведен в исполнение, т.е. он был расстрелян, 1 декабря 1937 г. в г. Энгельсе. Место его захоронения мы установить не можем, т.к. по правилам того времени места захоронения расстрелянных не регистрировались. 16 марта 1970 г. Ваш отец был реабилитирован. Извещение о реабилитации было направлено Вам районным судом. Смерть была зарегистрирована Ровенским (Зельманским) ЗАГСом 15 мая 1989 г. под № N-3-B. Фотографиями, бумагами или его личными вещами Управление КГБ СССР по Саратовской области не располагает».

После этого ответа я больше не спрашивался о судьбе своего отца. Выше я кратко описал судьбу моей большой семьи Иоганнес. Все члены семьи умерли, но никто не узнал подлинных причин участи и смерти брата и отца.

Подготовка к выезду в Германию: почему?

Здесь я хотел бы отметить, как человек может вынести столь многие многообразные телесные, нервные и душевные тяготы, как у меня. Ведь чаще всего такие переживания заканчиваются нарушениями в области сердца и кровообращения. Однако я перенес эти стрессовые факторы, вновь и вновь успокаивая себя надеждами на лучшее и на будущее. Правда, в последнее время у меня порой бывали проблемы с сердцем и кровообращением.

Если же обдумываешь все те переживания, страдания и трудности, что я испытал, то приходишь к мысли: как бы предотвратить, чтобы мои дети и племянники пережили нечто подобное? Если проследить историю российских немцев, то их ведь всегда угнетали и презирали. Что делали с немцами, когда их всех депортировали из западной части России в ее восточные районы и в Казахстан? Все школы, церкви были уничтожены или закрыты. Не было больше слышно немецкого слова, немцы боялись говорить по-немецки в обществе. А теперь, после распада великой Российской империи, каждое национальное меньшинство хочет развить и сбросить свой собственный язык и культуру.

Как обстоит дело с российскими немцами? Теперь уже не может быть речи о восстановлении нашей Немецкой республики на Волге. Во всех республиках, по которым рассеяны немцы, они должны теперь изучать другой язык и даже перенимать здешнюю культуру и обычаи. Поэтому я, найдя только один выход, решил выехать в Германию, откуда уже в 1764 г. мои предки эмигрировали в Россию, на Волгу.

Я ведь хочу, чтобы мои дети и внуки остались немцами и по возможности не пережили того, что пришлось пережить нашей семье. Тут есть только один выход – прочь из этого Казахстана. Как бы нам ни было тяжело опять оставлять на произвол судьбы дом и двор, выезжать в чужую страну и снова начинать устраивать свою жизнь сначала. Здесь, в России, а тем более в Казахстане, где находятся почти 50% российских немцев, у них нет будущего.

В августе 1990 г. мы получили вызов

Это приглашение (вызов) выслала нам моя вторая дочь Лилли, которая выехала в Германию раньше и жила в городе Ульме с 24 августа 1989 г. То, как шла подготовка, не

нуждается в особо долгом описании. Я распродал весь хлам направо и налево по бросовой цене. В конце продал и свой дом. Затем я заказал в колхозе им. Тельмана 3 ящика и упаковал все, что хотел взять с собой, а также вещи моего сына Виктора. 14 ноября отвез багаж в Алма-Ату, написав на нем адрес: ФРГ, Фридланд. Вернувшись из Алма-Аты, мы еще раз переночевали в нашем бывшем доме и на следующий день переехали с небольшим багажом, оставленным нами для поездки, в Талды-Курган, к моему сыну Виктору.

Поскольку вся родня моей жены жила в городе Текели, мы организовали наш прощальный вечер 18 ноября у брата моей жены Эгона. На следующий день мы с моей женой еще раз сходили на кладбище и попрощались с могилами родителей и дядей жены. Вернувшись в Талды-Курган, мы поехали в Кировск и простились с могилой моей матери, куда я возложил ей на память венок. Затем мы съездили в Крупский, где попрощались с могилой моего брата Теодора.

Когда мы вернулись в Талды-Курган, и я пошел проститься с моей землячкой из Куккуса Анной Крумм, она показала мне фотографию, полученную из Германии. На ней был заснят в гробу ее брат Яков. Он прожил в Германии всего год и умер от рака. Этот Яков Крумм был моим бывшим товарищем, мы вместе ходили в школу на Волге.

Когда я вернулся вечером в квартиру своего сына и перед моими глазами предстали все родные, могилы которых я навестил, а затем еще и фотография моего школьного товарища, мне стало совсем плохо. Тут мой сын и его жена вызвали ко мне врача. Он установил при обследовании, что у меня очень сильно подскочило кровяное давление. Он сказал, что все это от переживаний, и сделал мне укол. Это был первый случай в моей жизни, когда ко мне приезжал врач «скорой помощи».

28 ноября мы еще раз устроили прощальный вечер в узком кругу – с коллегами, соседями и знакомыми моего сына. 29 ноября мы вылетели из Талды-Кургана в Москву в сопровождении моего сына Виктора, брата моей жены Виктора Брейера и моего зятя Виктора Груздева. 4 декабря 1990 г. мы вылетели из московского аэропорта «Домодедово» и в тот же день прибыли в аэропорт Франкфурта-на-Майне.

23.03.1993 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Тем самым я после частых долгих перерывов все же завершил свои записки.

Здесь, в этих записках, я хотел оставить след и коротко описать мою жизнь – трудную, горькую и наполненную многими опасностями. Описать все, что мне пришлось испытать и пережить за эти 78 лет, невозможно.

Я в этих записках запечатлел на бумаге лишь некоторые, очень краткие моменты. Например, начало моего жизненного пути, с 5 лет, когда, как я еще помню, на Волге шла гражданская война, оставившая свои ужасные следы. Затем год 1921-й – это ведь был ужасный голодный год, когда так многие люди из поволжских немцев умерли от голода. Потом моя учеба в Бальцере с 1932 г. по 1934 г., и опять голод. Затем учеба в Саратовском медицинском институте. Далее мой арест 28 мая 1938 г. Потом мои 10 лет в исправительно-трудовом лагере. После моей депортации и освобождения 3 марта 1948 г. – опять трудная послевоенная жизнь в Казахстане, вплоть до моего выезда в Германию 4 декабря 1990 г.

Кажется, что пройти такой жизненный путь в физическом и моральном отношении невозможно. Но я, слава Богу, на своем 78-м году жизни еще, как говорят в медицине, практически здоров.

15 ноября 1993 г.

**ОЧЕРК ЖИЗНИ И СУДЬБЫ МОЕЙ ЖЕНЫ –
ИДЫ ИОГАННЕС (УРОЖДЕННОЙ БРЕЙЕР)
с 10 января 1943 г. до 13 марта 1948 г.**

Здесь я хотел бы кратко описать то, что еще сохранилось в памяти моей жены. Что, как и при каких условиях ей пришлось испытать в этот период жизни!

Эти записки я посвящаю ее братьям и сестрам, их детям, внукам и правнукам.

Нужно ведь что-то запечатлеть на бумаге, чтобы все родные и знакомые получили небольшое представление о судьбе своей сестры и подруги – *Иды Брейер*.

В октябре 1941 г. семья Брейер была депортирована в Северный Казахстан. Она попала в Шокопкуль, маленькое казахское село, точнее говоря – аул. Глава семьи, Карл Брейер, стал работать бухгалтером автоколонны в соседнем селе Константиновка.

8 декабря 1942 г. отец был арестован и исчез в лагере.

После его ареста к семье Брейер пришли милиционеры и сказали:

– Пусть Ида Брейер готовится, ее в ближайшие дни призовут в трудовую армию.

Поэтому были приготовлены вещи Иды, и она ждала со дня на день, что ее заберут в трудовую армию.

Так прошли 33 дня после ареста ее отца, и настало 10 января 1943 г.

10 января Ида с женщиной по имени Ганна пошли в собачий холод, прихватив санки, в соседнее село. Там они обменяли свою одежду, привезенную еще из дома, на жиры и другие продукты.

Они наменяли довольно много, получив сала и килограммов 20 пшена. Обе пошли со своим добром назад. На обратном пути навстречу попались сани, на которых вместе с кучером сидела Фрида, сестра Иды. Они остановились, и Фрида тотчас начала рассказывать:

– Ида, у нас дома были милиционеры. Они разыскивали вас обеих. Мать сказала, что вас нет.

– А где милиционеры теперь? – спросила Ида.

– Они сказали: «Возьмите их вещи и езжайте им навстречу, потому что они обе должны быть через пару часов на железнодорожной станции в райцентре».

Так Ида и Ганна сели в сани, а Фриде пришлось идти назад пешком. При этих обстоятельствах Ида не смогла проститься с матерью и своими братьями и сестрами. Ей было тогда всего 17 лет.

Теперь мать Иды осталась одна с 4 детьми в чужом казахском селе. Ее младшему сыну Виктору было тогда 2 месяца, а старшей дочери Фриде – 14 лет. Виктор родился в Константиновке 2 ноября 1942 г. Ида в то время лежала в больнице тяжело больная. Так они провели эту зиму в Константиновке. Весной сестры отца и матери семейства Брейер доставили их назад в Шокопкуль.

Можно себе представить, о чем думала мать Иды. Так относились коммунисты и к немцам, и к другим народам. Никакого сострадания, никакой человечности, только произвол.

Ида и Ганна были своевременно доставлены на станцию Вишневка. Там перед «телячьими» вагонами собралась огромная масса людей – одни женщины и молодые девушки. Тут их всех загнали в эти вагоны, точнее – набили, пока снаружи не осталось никого. Места для сидения почти не было, некоторым пришлось стоять, прижатые друг к другу.

Путь шел на северо-запад. Иногда эшелон часами, даже целыми днями стоял на маленьких станциях. Они выехали из Вишневки в начале января и прибыли на Урал, в город Соликамск, в конце января.

Здесь их всех выгнали из вагонов, и они пошли пешком дальше, километров за 15 от

Соликамска, в лагерную зону, где раньше содержали заключенных.

Когда их всех загнали туда, пришел начальник и сказал:

– Девушки, вот ваш дом.

Нужно было слышать, что там творилось: бедные женщины обнимали друг друга, все плакали и даже кричали, так что начальство вернулось и немного успокоило их.

Их новый дом выглядел ужасно: бараки были очень запущенными, грязными и холодными. Все щели двухэтажных нар были полны клопов. Здесь женщинам пришлось лежать на голых досках, без постельного белья.

Несколько дней им не нужно было выходить на работу. Все получали по 600 граммов хлеба и рыбный суп. Тут они отказались – не могли ни нюхать, ни есть этот суп. Тогда стали варить капустный суп, где иногда можно было увидеть немного сала. Это была знаменитая баланда, как называли такой суп в лагерях.

Тут так называемый карантин закончился. Теперь всем нужно было выходить на работу. К ним пришли заключенные, которые показали им, как и что нужно было делать. Работа была простой: разбросать лопатами метровый слой снега, пробить лед под ним топорами или ломачами до слоя мха, затем нарубить мох квадратными кусками, доставить его наверх и сложить в сарае. Одна женщина должна была доставлять из сортира бочку с фекалиями и поливать ими кучи мха.

Местность, где находился мох, была болотистой, работать в летнее время там было нельзя. Так называемые трудармейки месяца два выполняли такую тяжелую работу при сильном морозе.

Моя жена все еще вспоминает один вечер, которого она не забудет никогда. Они вернулись после работы в лагерную зону. Все устали, изголодались и промерзли. В лагерном дворе стоял со своим помощником и парикмахером главный начальник, толстопузый украинец, который объявил:

– Все должны остричь свои волосы. И пока все не будут готовы, вы не получите еды и вас не пустят в бараки!

Тут опять раздались плач и рыдания. Однако плач и мольбы не помогли им спасти свои косы. Ида еще хорошо помнит, что у одной девушки были красивые кудрявые косы, достававшие почти до колен. Эта девушка не только плакала, но и кричала. Но ничто не помогло: им всем пришлось остричься. Ида несколько лет хранила свою косу в чемоданчике, но затем она пропала.

Так убивали трудармейцев морально и физически.

И опять за работу...

В конце марта – начале апреля, когда стало немного теплей, накопленный мох нужно было вывезти на поля (это хорошее удобрение для овощей). Тут опять использовали трудармейцев – в качестве тягловой силы, как скот. Мох грузили на сани. Спереди запрягали двух женщин, а две должны были помогать подталкивать сани сзади.

Можно себе представить, как слабые женщины тащили сани по такой грязи (снег уже был пропитан водой).

После того, как весь мох был развезен по полю, вспаханному осенью, и снег совсем исчез, началась посадка.

Сажали картошку, лук, капусту, огурцы, морковь и другие овощи. Вспаханной земли не хватало. И им, чтобы посадить еще кое-какие овощи, приходилось перекапывать землю лопатами.

После того, как все было посажено и они, потрудившись, изорвали свою одежду, их погнали назад в Соликамск. Там их погрузили на большую баржу и доставили примерно за

80 км вверх по реке. Их выгрузили там, где не было видно никаких домов и других строений, – только лес и еще раз лес. Затем их 2 дня гнали пешком дальше, до села Котомыш. Перед этим более пожилых слабых женщин и девушек отделили друг от друга. Тут Ида попала к более сильным, в 3-й лагпункт. Куда девались слабые, не знал никто. Здесь им на следующий день опять пришлось выйти на работу – на лесосплав, сплавливать бревна. Их погнали к реке и показали им работу. Здесь, на этой реке, образовался затор из бревен примерно 3 км длиной.

Тут им пришлось разбирать этот затор, т.е. бревна, крепко прижатые потоком воды друг к другу. Эта работа была сопряжена с опасностью и очень тяжелая.

Да, тут на этом лесосплаве многие девушки и женщины приобрели различные болезни на весь остаток своей жизни. Так, Ида до сих пор жалуется мне, что часто испытывает боли в суставах и костях, особенно в ногах. Она всегда говорит:

– Все это – от той собачьей работы у реки в трудармии.

Она рассказывала, что когда они работали у реки, то были весь день мокрыми с головы до ног. Иногда, когда бывало очень холодно, их одежда смерзалась, и по всему телу образовывался ледяной панцирь.

Когда подошло лето, и работа на сплаве завершилась, всем пришлось работать в лесу лесорубами. Здесь они проработали недолго.

Ида одно время работала с заключенными, которые готовили древесину и отрубали от стволов ветви. Ида собирала и сжигала ветви. Затем Иду и еще 300 женщин перевели в головной лагпункт «Мысья». Их разместили в овощехранилищах, эти помещения находились под землей. Здесь Ида пришлось работать в бригаде, которая должна была грузить и разгружать древесину, доставленную из леса. Эта работа была очень тяжелой, но она проработала тут довольно долго.

Ида становилась все слабей – силы при плохом питании полностью иссякали. После работы она уже почти не могла ходить, чтобы добраться домой: ноги стали очень тяжелыми.

Ида несколько раз ходила к своему врачу и просила освободить ее от работы. Однако у этой врачихи, видимо, не было сердца – она всегда говорила:

– Ты не больна.

Когда Ида и еще некоторые девушки совсем ослабли и уже не могли больше ходить на работу, их отправили на лагпункт «Вильва» – отдохнуть несколько недель. Здесь им не нужно было работать, а еда была той же самой.

Когда она так обессилела, что уже не могла ходить, то часто думала: «Тут мне придется умереть». Однако она вернулась, и ей пришлось опять работать на этой разгрузке и погрузке леса. В начале февраля 1946 г. Ида при разгрузке бревен, доставленных из леса, травмировала свою левую руку – перелом 4-х пальцев. Теперь она уже больше не могла трудиться на так называемых общих работах. Иду назначили телеграфисткой. Позже она трудилась в конторе, в плановом отделе, где проработала до 8 марта 1948 г., когда ее освободили из трудармии.

Меня, Эммануила Иоганнеса, также освободили 13 марта после 10 лет, отбытых мною в лагере. Я лишь очень кратко изложил здесь то, что мне рассказывала Ида.

13 марта мы вместе выехали из Мысьи в Казахстан как «свободные советские граждане». Дальнейшую судьбу нас обоих я описал выше, где речь шла о моей семье Иоганнес.

Однако это – совсем другая история.

Мои записки изданы в США на английском языке. Я издам несколько экземпляров и на немецком.

На этом конец.

Германия, Хайденхайм-на-Бренце,
10 января 1997 г.

Содержание

Предисловие

МОЙ ПУТЬ ПО ЭТОЙ ЖИЗНИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

СЕМЬИ ИОГАННЕС,

ЖИВШЕЙ В СЕЛЕ КУККУС НА ВОЛГЕ

СУДЬБА НАШЕЙ СЕМЬИ

МОЯ УЧЕБА НА МЕДИЦИНСКОМ РАБФАКЕ В ГОРОДЕ БАЛЬЦЕРЕ

с 1 сентября 1932 г. до 20 июня 1934 г.

Второй год учебы в Бальцере

ГОДЫ УЧЕБЫ НА НЕМЕЦКОМ ОТДЕЛЕНИИ

САРАТОВСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА

с 1 сентября 1934 г. до 28 мая 1938 г.

МОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ЛАГЕРНАЯ ЖИЗНЬ

с 28 мая 1938 г. до 13 марта 1948 г.

Некоторые воспоминания

о жизни в этом человеческом котле

Как я с общих работ попал в медицину

Лагерная жизнь после начала войны

Как людям в лагерях все становилось безразлично

Начало моей семейной жизни

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ИЗ КНИГИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ»

Цитаты и термины

Несколько слов об устройстве лагерей и лагерной жизни

Несколько слов о беглецах

У кого есть шансы на выживание в лагере?

Зачем нужно было держать в лагерях

такую большую массу невинных людей?

ПОСЛЕ МОЕГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

с 13 марта 1948 г. до 4 декабря 1990 г.

Начало моей жизни и работы в селе Утенай

с апреля 1948 г. по 1958 г.

Судьбы членов моей семьи

Подготовка к выезду в Германию: почему?

В августе 1990 г. мы получили вызов

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ОЧЕРК ЖИЗНИ И СУДЬБЫ МОЕЙ ЖЕНЫ –

ИДЫ ИОГАННЕС (УРОЖДЕННОЙ БРЕЙЕР)

с 10 января 1943 г. до 13 марта 1948 г.

И опять за работу...